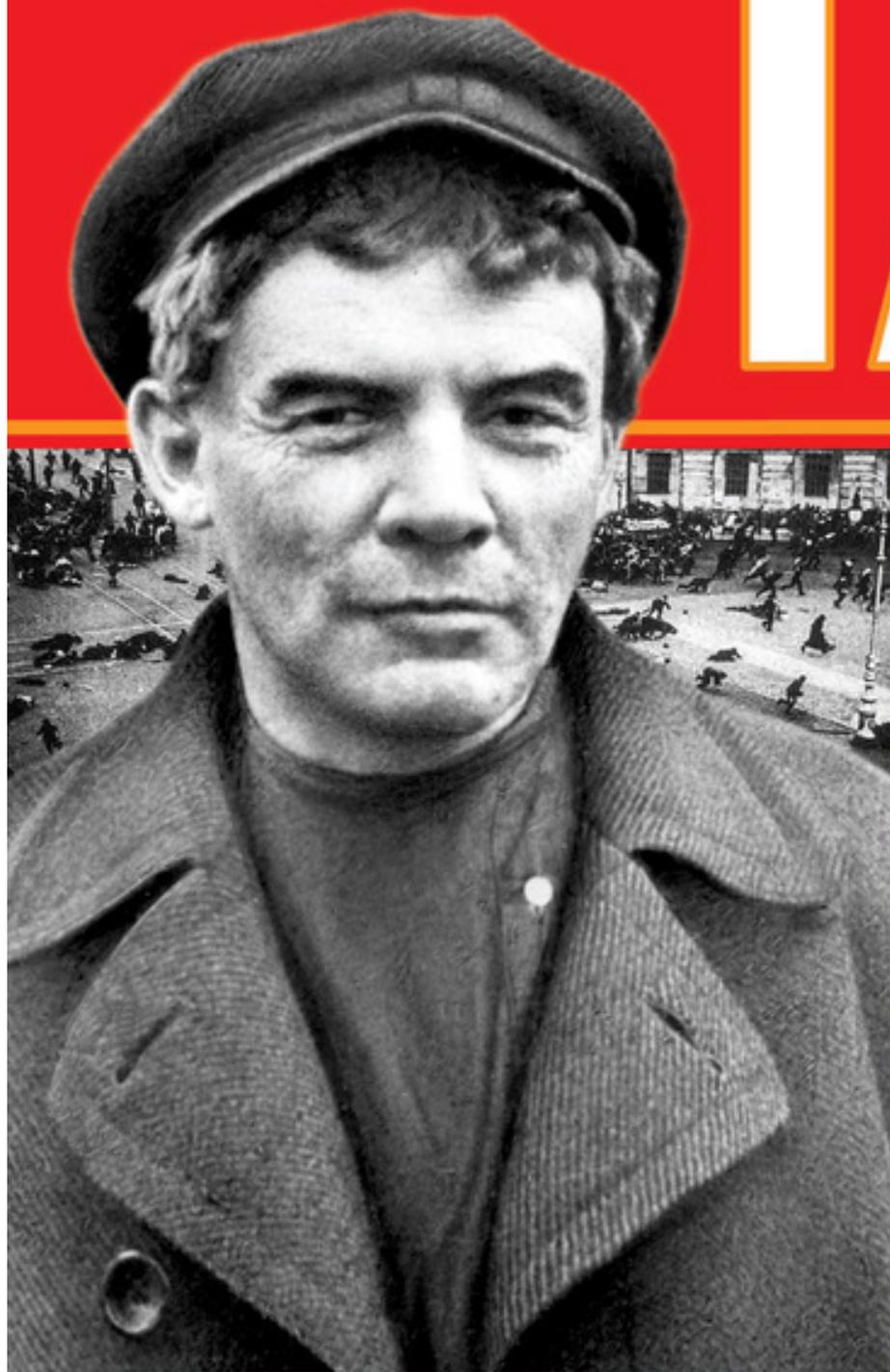

СЕРГЕЙ КРЕМЛЁВ

ЛЕНИН В 17 ГОДУ

КТО ДЕЙСТВИТЕЛЬНО
РАЗВАЛИЛ ИМПЕРИЮ?

1917. К 100-летию Великой революции

Сергей Кремлев
Ленин в 1917 году

«Яуза»

2017

УДК 929 Ленин В.
ББК 63.3(2)6-8 Ленин В.

Кремлев С. Т.

Ленин в 1917 году / С. Т. Кремлев — «Яуза»,
2017 — (1917. К 100-летию Великой революции)

ISBN 978-5-9955-0962-2

К 100-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. Новая книга от автора бестселлеров «Великий Сталин» и «Великий Берия», основанная не на пропагандистских мифах, а на огромном фактическом материале, впервые показывает объективную картину 1917 года, ставшего поистине переломным для судеб всего мира и определившего ход истории XX века. Разоблачая всю ложь о Ленине и Октябрьской революции, эта книга отвечает на самые сложные и спорные вопросы эпохального 1917-го. Верил ли сам Ленин накануне Февраля в смену власти в России? Был ли «американский след» в Февральской революции и рассматривалась ли Россия в США в качестве будущей полукolonии? Кто действительно развалил Империю – Ленин или Николай II? Как родились легендарные «Апрельские тезисы»? Почему фигура Ленина привлекла массы и что было бы, если б они пошли за ним уже весной 17-го? Был ли задачей Ленина развал России на деньги Антанты и откуда у большевиков на самом деле нашлись средства на революцию? Была ли осенью 17-го катастрофа безвластия альтернативой Советской власти и насколько решающей оказалась роль Ленина в событиях Великого Октября? Что в конечном итоге предопределило успех Ильича? И главное – чем Октябрьская революция отличается от Февраля?

УДК 929 Ленин В.
ББК 63.3(2)6-8 Ленин В.

ISBN 978-5-9955-0962-2

© Кремлев С. Т., 2017

© Яуза, 2017

Содержание

Предисловие к документальной трилогии о Ленине в 1917 году	7
Книга 1	15
Предисловие к книге 1-й	16
Глава 1	20
Глава 2	27
Глава 3	42
Глава 4	54
Глава 5	60
Глава 6	65
Глава 7	72
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Сергей Кремлёв

Ленин в 1917 году

*Посвящается 100-летию Октябрьской революции Ленина,
заложившей базу всех побед России, которые она имела в XX веке*

Предисловие к документальной трилогии о Ленине в 1917 году

ПРЕДИСЛОВИЕ – это вводная статья к какому-либо произведению. В данном случае – к издаваемой под одной обложкой документальной трилогии «Ленин в 1917 году». Актуальность ленинской темы налицо, тем более – в год 100-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Поэтому много говорить на сей счёт не буду, а сразу перейду к некоторым предварительным пояснениям.

В документальных книгах по исторической тематике предисловие является автоматически необходимым элементом, и тем более оно необходимо для данной книги. Дело в том, что основное повествование начинается в ней сразу с возвращения Ленина в Россию из его второй и последней эмиграции весной 1917 года. Ленину в тот год исполнилось уже 47 лет. А политическая и человеческая биография Владимира Ильича интересна и насыщена напряжённой жизнью ума и духа **на всём** протяжении его деятельности. Не зная юного, молодого и зрелого Ленина **до 1917 года**, мы не поймём Ленина настолько глубоко, насколько его можно понять, прослеживая весь путь становления и развития этого гениального революционера – борца за освобождение людей от гнили капитализма.

Я говорю так со всей ответственностью, ибо в 2016 году вышла в свет моя книга «Ленин. Спаситель и создатель» объёмом более 1000 страниц, где только ссылки в конце книги – общим числом 1568 – занимали тридцать страниц. И вот там-то был дан полный портрет Ленина – от юных лет до его кончины. В капитальном томе весом чуть ли не в полтора килограмма я постарался осветить по возможности все аспекты ленинской проблематики, однако тысяча страниц плотной вёрстки – это тысяча страниц. Осилить их не так просто.

В то же время в год 100-летия и российского Февраля, и российского Октября 1917 года наиболее важно дать объективную картину именно того года – года, без преувеличений, эпохального, переломного, всемирно-исторически значимого. О Ленине нынче много лгут, и особенно много лгут о Ленине как творце Октября и основателе Советского государства. Поэтому, используя огромный материал капитального исследования, я и написал предлагаемую вниманию читателя документальную трилогию – о 1917 годе.

Для лучшего понимания тогдашней ситуации нам придётся хотя бы кратко окинуть взглядом и последние месяцы последней эмиграции Ленина. На годы этой эмиграции, прошедшие на Первую мировую войну, усилиями клеветников на Ленина брошен отблеск мифического «германского золота» и тень «пломбированного вагона», в котором Ленин проехал транзитом через Германию, возвращаясь на родину. Анализ ленинской переписки конца 1916 и начала 1917 года не оставляет от таких инсинуаций камня на камне.

Возможность легально вернуться в Россию из Швейцарии, где он находился с осени 1914 года, появилась у Ленина после того, как в начале 1917 года в России произошла Февральская буржуазно-демократическая революция. Царизм пал, была объявлена всеобщая амнистия, и Ленин всеми силами стремился домой, где разворачивался революционный процесс. Однако возвращаться пришлось через воюющую с Россией Германию, по договорённости с имперским германским правительством.

Относительно пресловутого вагона непосредственно в данной книге не сказано почти ничего, но не потому, что в истории с вагоном есть что-либо порочащее Ленина, а потому, что эта тема мной освещена отдельно. В книге «Ленин. Спаситель и Создатель» история переезда в «пломбированном» вагоне из Швейцарии в Россию через Германию заняла три главы с одинаковым названием: «История переезда в письмах: «Пломбированный вагон» или

лондонская тюрьма?»; «История переезда в письмах: «Пломбированный вагон» или лондонская тюрьма? (Продолжение)» и «История переезда в письмах: «Пломбированный вагон» или лондонская тюрьма? (Окончание)». А спустя год теме «вагона» я посвятил книгу «Возвращение Ленина в Россию: «Пломбированный вагон» или лондонская тюрьма?», включающую в себя материалы трёх глав большой книги и новые материалы.

Убеждён, что для любого, кто познакомится с «вагонными» главами большой книги (и тем более – с отдельной книгой по вопросу), тема «пломбированного вагона» будет закрыта раз и навсегда в пользу Ленина. И уже для того, чтобы уведомить читателя об этом обстоятельстве, предисловие оказывается необходимым. Но конечно же, оно необходимо не только для этого – предворяя книгу, надо сказать и ещё о ряде существенных моментов.

В СССР было принято говорить о трёх русских революциях, понимая под первой революцию 1905–1907 годов, под второй – Февральскую 1917 года и под третьей – Октябрьскую того же 1917 года. О Ленинграде так и писали: «Город трёх революций...» И такое деление вполне оправданно, хотя революционный процесс 1917 года, начавшись в Феврале, усиливался и нарастал вплоть до Октября, *не прерываясь*. Некоторый спад революционной активности после расстрела Июльской демонстрации Временным правительством был лишь короткой тактической паузой. Но следует чётко понимать, что **Февраль и Октябрь были порождены абсолютно разными, резко антагонистическими политическими факторами, и поэтому говорить о преимущественности Февраля и Октября не приходится**, хотя и во второй, и в третьей русской революции принимали участие одни и те же общественные силы и слои.

Февраль в своей исходной фазе стал порождением элиты и задумывался в интересах имущих, эксплуататорских классов. Февраль имел целью сохранение политической власти имущих, лишь с заменой властной надстройки с царского самодержавия на буржуазный парламентаризм.

Октябрь стал результатом деятельности антиэлитарных сил в интересах неимущих, эксплуатируемых классов во имя установления политической власти трудящихся масс с полным, коренным изменением самих основ общества, начиная с экономического базиса, с отношений собственности на средства производства – с передачей прав собственности на фабрики, заводы, землю и земные недра в руки рабочих и крестьян.

Февраль затевали для элиты, Октябрь совершали для народа. Истинность данного тезиса оспаривали сто лет назад – в разгар событий, оспаривают через сто лет после событий, но оспаривают лишь те, кто или принадлежит к имущей элите, или обслуживает интересы этой элиты, всё более обуреваемой необузданными вожделениями и всё более отвратительной в своём противостоянии интересам народов.

Впрочем, в современной исторической академической среде хватает, пожалуй, и искренних путаников, и через сто лет после событий блуждающих в трёх соснах. Но все три типа извратителей истории равно вредны и опасны для исторического будущего России.

Так, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета Александр Шубин «с удовлетворением» отмечает, что «в наши дни доминирует концепция», которую профессор отстаивает с начала 1990-х годов, а именно: «Нет отдельных Февральской и Октябрьской, есть Великая российская революция».

Подобный подход в год 100-летия и Февральской, и Октябрьской революций был ожидаем заранее, и он является очевидной диверсией против исторической истины. Показательно, что попытку ввести понятие «Великая Русская революция» по аналогии с понятием «Великая Французская революция» предпринимают либеральные «историки», и они

же готовы примирить «белых» и красных». Но волки могут быть сыты лишь тогда, когда овцы не целы... И не профессорам шубиным под силу опровергнуть этот факт.

Собственно, его вообще никто не способен опровергнуть, опираясь на логику и реальный исторический опыт человечества.

Февральская русская *буржуазная* революция, как и Великая Французская *буржуазная* революция – были чисто политическими революциями. Ни та ни та не меняли господствующий тип собственности – господствующей и до падения французской и русской монархий, и после их падения оставалась та частная собственность имущих собственников, о которой ещё Прудон сказал: «Собственность – это кража».

Политическая революция применительно к тогдашней России означала просто замену полуфеодального самодержавия «чистым» строем капитализма при не только сохранении, а даже упрочении в России института частной собственности на средства производства, землю и недра земли. Политическая революция «сверху» означала замену самодержавия, защищающего имущих собственников непосредственно, прямой властью этих собственников. Политическая революция – это война дворцов против дворцов.

Октябрьская же пролетарская революция была *социальной* революцией. Социальная революция означала свержение власти частных собственников и установление власти абсолютно нового типа – Советской власти народа. Социальная революция – это война хижин против дворцов, это замена власти частных собственников, эксплуатирующих чужой труд, властью трудящихся масс.

Политическая революция в России, совершаемая российской имущей элитой, всё более оказывающейся клиентами Антанты и Америки, была для собственников России и Запада выгодна, социальная же революция, совершаемая трудящимися массами во имя интересов трудящихся масс, – смертельно опасна. Социальная революция в России для имущих классов была недопустима, политическая – необходима. О какой «преемственности» Октября по отношению к Февралю тогда может быть речь?

Уже в 1919 году американский экономист Торстен Веблен (1857–1929) суть происходящего в России ухватил очень точно:

«Большевизм является революционным по своей сути. Его цель – перенесение демократии и власти большинства в область промышленности и индустрии (жирный шрифт мой. – С.К.). Следовательно, большевизм – это угроза установившемуся порядку. Поэтому его обвиняют в угрозе по отношению к частной собственности, бизнесу, промышленности, государству и церкви, закону и нравственности, цивилизации и вообще всему человечеству».

Вот почему имущие собственники России и Запада сразу же возненавидели российский большевизм: он был нацелен на власть народа *в сфере экономики*, а это исключало в обществе институт социальных и экономических привилегий на основе имущественных прав. **Перенесение якобы демократии из сферы избирательного права в сферу имущественного права превращает «демократию» для элиты в подлинную демократию – в политическую и экономическую власть народа, то есть в социалистическую демократию. Будущая демократия Ленина исключала возникшую в Феврале псевдодемократию Гучкова и Милюкова, а псевдодемократия Гучкова и Милюкова не могла не стремиться подавить любым способом лишь нарождающуюся демократию Ленина.**

И воистину надо быть главным научным сотрудником Института всеобщей истории РАН и профессором Российского государственного гуманитарного университета в путинской России, чтобы отрицать это.

А ТЕПЕРЬ немного – о последних месяцах последней эмиграции Владимира Ильича Ульянова (Ленина)...

9(22) января 1917 года Ленин в цюрихском Народном доме на собрании швейцарской рабочей молодёжи прочёл на немецком языке доклад о революции 1905 года (В. И. Ленин. ПСС, т. 30, с. 306–328, и примечание 119 на с. 452).

Начав доклад со слов: «Юные друзья и товарищи! Сегодня двенадцатая годовщина «Кровавого Воскресенья», которое с полным правом рассматривается как начало русской революции...», Ленин очень обстоятельно, информативно, простым языком рассказал о ходе и сути революции 1905 года, о её значении для Европы, а закончил так:

«...русская революция... остаётся прологом грядущей европейской революции. Несомненно, что эта грядущая революция может быть только... пролетарской, социалистической...»

Нас не должна обманывать теперешняя гробовая тишина в Европе. Европа чревата революцией. Чудовищные ужасы империалистической войны, муки дороговизны повсюду рожают революционное настроение, и господствующие классы... всё больше попадают в тупик, из которого без величайших потрясений они вообще не могут найти выхода...

Мы, старики, может быть, не доживём до решающих битв этой грядущей революции (выделено мной. – С.К.). Но я могу, думаю, высказать с большой уверенностью надежду, что молодёжь, которая работает так прекрасно в социалистическом движении Швейцарии и всего мира, что она будет иметь счастье не только бороться, но и победить в грядущей пролетарской революции».

(В. И. Ленин. ПСС, т. 30, с. 306, 327–328.)

Мог ли Ленин говорить так, если бы он рассчитывал на скорую «грядущую пролетарскую революцию» в России, на которую якобы получил от кайзера или от Антанты «золотые миллионы»?

Даже во второй половине февраля 1917 года Ленин не знал о том, что его с Крупской вторая и последняя эмиграция заканчивается. И этому (полному неведению Ленина) есть точное, достоверное, документальное подтверждение – два его письма, относящиеся к началу 1917 года.

15 февраля 1917 года Ленин направляет из Цюриха очередное письмо младшей сестре – Марии Ильиничне Ульяновой в Петроград (впервые опубликовано в 1929 году в журнале «Пролетарская революция» № 11 по оригиналу):

«Дорогая Маняша! Сегодня я получил через Азовско-Донской банк 808 frs. (1 швейцарский франк ~ 0,58 рубля. – С.К.), а кроме того 22.1 я получил 500 frs. Напиши, пожалуйста, какие это деньги, от издателя ли и от которого и за что именно и мне ли. Необходимо бы иметь расчёт, т. е. знать, какие именно вещи уже оплачены издателем, а какие нет. Я не могу понять, откуда так много денег (ха, из германского генштаба, вестимо, аж целая почти тысяча рублей! – С.К.); а Надя шутит: «пенсию» стал-де ты получать. Ха-ха! Шутка весёлая, а то дороговизна совсем отчаянная, а работоспособность из-за больных нервов отчаянно плохая. Но шутки в сторону, надо же всё-таки знать поточнее; напиши, пожалуйста... Боюсь расхотеть деньги (иногда через меня посылали одному больному приятелю)...

Мы живём по-старому, очень тихо...»

(В. И. Ленин. ПСС, т. 55, с. 368–369.)

Надо ли много комментировать эти строки?

Но дальше – больше!

18 (или 19 февраля) 1917 года Ленин пишет деловое письмо в тот же Петроград зятю (мужу старшей сестры Анны Ильиничны) – Марку Тимофеевичу Елизарову (В. И. Ленин. ПСС, т. 55, с. 369–370).

Впервые письмо было опубликовано в 1930 году в журнале «Пролетарская революция» № 4 тоже по оригиналу, и оно настолько важно в большинстве своих частей, что приведу его ниже почти полностью:

«Дорогой Марк Тимофеич!...Надя (Н. К. Крупская. – С.К.) планирует издание «Педагогического словаря» или «Педагогической энциклопедии».

Я усиленно поддерживаю этот план, который, по-моему, заполнит очень важный пробел в русской педагогической литературе, будет очень полезной работой и даст заработок, что для нас архиважно.

Спрос теперь в России, с увеличением числа и круга читателей, именно на энциклопедии и подобные издания очень велик и сильно растёт. Хорошо составленный «Педагогический словарь» или «Педагогическая энциклопедия» будут настольной книгой и выдержат ряд изданий.

Что Надя сможет выполнить это, я уверен, ибо она много лет занималась педагогикой, писала о ней, готовилась систематически. Цюрих – исключительно удобный центр именно для такой работы. Педагогический музей здесь лучший в мире».

Уже эта часть письма высвечивает последние – как оказалось вскоре – дни эмиграции Владимира Ильича в их подлинном историческом свете. Ленин пишет в Россию, не подозревая даже, не догадываясь о том, как близок момент его встречи с Родиной!

Продолжаю цитирование:

«Доходность такого предприятия несомненна. Лучше бы всего было, если бы удалось самим издать сие, заняв потребный капитал или найдя капиталиста, который вошёл бы пайщиком в это предприятие...

...Надо только, чтобы план не украли, т. е. не перехватили... Затем надо заключить с издателем точнейший договор... Иначе издатель (и старый издатель тоже!!) просто возьмёт себе весь доход, а редактора закабалит. Это бывает.

Очень прошу подумать об этом плане хорошенько, поразведать, поговорить, похлопотать и ответить поподробнее.

Жму Вашу руку. Ваш В. Ульянов».

Ну, и как нам быть с этими письмами сестре и зятю? Они были написаны в Швейцарии в феврале 1917 года, когда до первой массовой демонстрации женщин-пролетарок в Петрограде в Международный женский день оставалось меньше недели. И совершенно очевидно, что оба письма написаны человеком, не помышляющим в ближайшее время «совершать революцию» – на чьи бы то ни было деньги!

Тем более что ему денег на жизнь не хватает, не то что на переворот в России...

Понятно и то, что он не собирается в обозримый период куда-то – тем более в Россию – уезжать. Ленин и Крупская задумывают работу, которая требует немалого времени, явно исходя из того, что жить им в Швейцарии придётся ещё немалый срок.

Видно из писем и то, что они написаны человеком если не отчаянно, то существенно нуждающимся в средствах просто на жизнь, и на жизнь достаточно скромную. Так где здесь усматриваются миллионы – чего бы то ни было? Где рейхсмарки, франки, фунты стерлингов, доллары?

И где здесь подготовка к «выполнению заданий германского генштаба» по выводу России из войны?

Или, может быть, скромно живущий в Цюрихе политэмигрант Oulianoff писал чисто личные письма сестре и зятю в феврале 1917 года в целях прикрытия своих тёмных миллионных доходов?

Или, может, эти письма в 1929 и 1930 годах сфальсифицировала – в предвидении будущих, в 1990-е и 2000-е годы обвинений Ленина – редакция журнала «Пролетарская революция»?

А может, их в 1978 году сфальсифицировали – в предвидении всё тех же будущих обвинений Ленина – издатели 55-го тома Полного собрания сочинений?

Нет уж, уважаемые!

В реальной жизни, а не в воспалённом сознании горе-«экспертов» так не бывает, и оба письма Ленина подлинны!

Наличие же *одних этих двух писем* доказывает, что революционные события 1917 года Ленин не готовил загодя – ни на свой страх и риск, ни на чьи-либо миллионы. Он лишь гениально воспользовался в интересах социалистической революции и социализма той ситуацией, которую создали другие – помимо Ленина, без него и отнюдь не в интересах социализма в России.

И ведь представительная в этом отношении ленинская переписка 1916–1917 годов этими двумя письмами далеко не исчерпывается!

В СВЯЗИ с только что сказанным может возникнуть естественный вопрос: «Если Ленин не готовил Февраль и не был к нему готов и если он считал социалистическую революцию делом неблизким, то если бы в России другие – за Ленина – не революционизировали страну в Феврале, то, выходит, и Октября 1917 года не было?»

Это – интересный вопрос, и остановиться на нём не мешает. Причём краткий ответ будет таков...

К 1917 году положение всех воюющих держав было почти критическим. Были израсходованы огромные средства, убиты миллионы людей, а решающего перевеса ни одна сторона не получила. Причём немцы держали линию фронта во Франции – войти на территорию Германии союзникам за три года войны так и не удалось. Социальным взрывом была чревата ситуация и в Англии, и – тем более – во Франции, а о Германии и вовсе не разговор, поскольку там было особенно туго с продовольствием. Карточную систему продовольственного снабжения немцев называли «образцово организованным голодом».

Но уж где дела шли вовсе из рук вон плохо, так это в России. При этом экономическая разруха была, пожалуй, не самой большой опасностью. Главным было то, что русский мужик – а русский солдат – это и был по преимуществу мужик – устал – даже больше, чем от войны, от полной её для мужика бессмысленности.

Ни царь, ни царская верхушка этого не понимали, да и среди буржуазных верхов это по-настоящему, *деловым* образом, понимал мало кто. Но тот, кто *понимал*, не просто сокрушённо качал головой, а готовил дворцовый переворот.

Во-первых, смена декораций могла бы встряхнуть народ, пробудить надежды и заставить мужика ещё повоевать.

Во-вторых, воспользовавшись ситуацией, буржуазия, имеющая экономическую власть, получила бы и власть политическую, что было, конечно, делом для буржуазии желательным и желанным.

В-третьих же, существовала опасность того, что даже неудалый царь, попав в исторический цейтнот, разрешит свои проблемы сепаратным миром с Германией. Кайзер Вильгельм на него пошёл бы, но это никак не устраивало ни Антанту, ни российские буржуазные «верхи», ни проанглийские и профранцузские круги российского «общества». Особенно же

это не устроило бы Соединённые Штаты, поскольку сразу подрывало бы планы по экономическому и политическому закабалению Европы Америкой. Ведь сепаратный мир России и Германии крайне осложнил бы прямое вступление США в войну – что тайно, но усиленно подготавливалось.

Так что переворот в России в той или иной форме был, по сути, неизбежен. Николай и царизм могли бы избежать его единственным образом: на платформе *партнёрства* с Германией не ввязываться в 1914 году в европейскую войну. Однако царь Россию в кровавое «болото» войны затащил, и теперь его участь так или иначе была решена.

Это понимали умные люди даже среди царской родни, и уж тем более это понимал Ленин. 31 января 1917 года он опубликовал в № 58 газеты «Социал-демократ» статью «Поворот в мировой политике».

Там Ленин не только оценивал возможность заключения сепаратного мира Германии с Россией, но и *возможность переворота*, причём *даже имена* возможных лидеров пост-николаевского правительства назвал – Милюкова, Гучкова, Керенского!

Ленин писал:

«Возможно, что сепаратный мир Германии с Россией всё-таки *заключён*. Изменена только форма политической сделки между двумя этими разбойниками. Царь мог сказать Вильгельму: «Если я открыто подпишу сепаратный мир, то завтра тебе, о мой августейший контрагент, придётся, пожалуй, иметь дело с правительством Милюкова и Гучкова, если не Милюкова и Керенского...»

(В. И. Ленин. ПСС, т. 30, с. 341.)

Ленин ведь – даром что находился вне России – за ситуацией следил очень внимательно, изучая европейскую и российскую прессу, в чём был великим мастером. Однако *компетентный* независимый аналитик (а Ленин был им) никогда не исходит из одного варианта – аналитик всегда проводит свой анализ, не имея полной информации о ситуации. Он – не государственный деятель, получающий все необходимые данные от ведомств, дипломатов, разведки. Если ты обладаешь полнотой информации и полнотой власти, то итог компетентного анализа – твои реальные действия. Если же нет ни того, ни того, итог анализа – ряд вероятных вариантов.

Поэтому Ленин понимал, что события могут повернуться так, а могут – и этак...

В принципе, царь мог бы сохранить в 1917 году свою власть – если бы действовал умно. Буржуазные «верхи» тоже могли не только ухватить в 1917 году власть, но и удержать её – если бы они действовали умно!

1 марта 1920 года Ленин выступал на I Всероссийском съезде трудовых казаков и высказал тогда мысль настолько же точную, насколько и «не замеченную» всей сворой вначале хрущёвско-брежневских, а ныне – ельцинско-путинских докторов «исторических» «наук». Он сказал тогда, риторически обращаясь к эсерам и меньшевикам, в зале, естественно, отсутствовавшим:

«Разве с февраля до октября 17-го года вы не были у власти вместе с Керенским, когда вам помогали все кадеты, вся Антанта, все самые богатые страны мира? Нашёлся ли бы на свете хоть один дурак, который пошёл бы на революцию, если бы вы действительно начали социальную реформу?»

(В. И. Ленин. ПСС, т. 40, с. 179.)

Это было сказано наповал, *в лоб!*

Причём то, что было сказано Лениным в адрес «социалистических» партий, было верно и по адресу вообще всего истеблишмента царской России во главе с царём Николаем.

Если бы то ли царь *до* Февраля 1917 года, то ли буржуа вкупе с либеральными профессорами и соглашательской частью социал-демократов и эсеров *после* Февраля 1917-го начали социальную реформу, то или Февраля бы не было, или широкие народные массы не поддержали бы Октябрь. И Ленин в 1920 году сказал об этом без обиняков – публично и гласно!

В своих мемуарах, и написанных на английском языке, и опубликованных в 1966 году ангლოსаксами, бывший министр-председатель Временного правительства Керенский заявил:

«До нынешнего дня молодое поколение в России остаётся в неведении относительно того, что за короткий промежуток времени после Февральской революции Временное правительство предоставило народам России не только политическую свободу, но и социальную систему, гарантирующую человеческое достоинство и материальное благосостояние».

Однако – не привлекая даже соответствующую статистику и факты (а они для «временных» убийственны) – на это можно ответить всё теми же словами Ленина: «Нашёлся ли бы на свете хоть один дурак, который пошёл бы на революцию, если бы вы действительно начали социальную реформу?»

Если бы социальная реформа была обещана Временным правительством сразу после Февраля, а летом 1917 года была начата, если бы Россия к лету 1917 года вышла из войны – чего хотели *все* в России, *кроме кучки*, то Ленин, конечно, в Россию вернулся бы и играл бы в буржуазно-демократической Российской республике (или там – конституционной монархии) с сильной социальной политикой видную роль крупного лидера оппозиции.

Но – не более того!

А поскольку Ленин был блестящим политиком, то его партия в условиях находящейся в кризисе России завоёвывала бы на выборах всё больше голосов, Ленин мог бы быстро стать премьером при парламентском большинстве у большевиков, и социальные реформы приняли бы окончательно социалистический характер.

Вышло иначе, но – не потому, что к тому вёл Ленин. Россию к Октябрю 1917 года вели, прежде всего, глупость русского царизма и жадность русских буржуа.

Подводя итог, можно сказать, что политика царизма сделала неизбежным Февраль 1917 года, а политика буржуазных «верхов» после Февраля сделала не только возможным, но и неизбежным Октябрь 1917 года.

Подчеркну ещё раз – не политика Ленина (у него и большевиков для этого просто не было нужных сил), а политика привилегированных слоёв старой России привела к Февралю, а затем и к Октябрю!

Сам же 1917 год оказался для России бурным, и его события определили ход истории не только России, но и всего мира на весь XX век. И хотя сегодня это отрицают, но именно ленинские аспекты российского 1917 года заложили основу того мира, который народы СССР и мира не удержали в 1991 году, но который обязан стать в обозримом будущем вновь реальностью.

Иначе – мировая духовная и материальная клоака. Пять огромных свалок в Мировом океане видны пока что лишь со спутников из космоса, но они есть – эти пять вселенских свалок в океане. Свалкам же на пяти континентах Земли несть числа.

Против превращения мира в свалку и выступил Ленин в 1917 году. А точнее, он выступил «ЗА!» – за Советскую власть, за новую могучую Россию, за умное и чистое будущее мира.

Знакомясь с Лениным в 1917 году, это вполне можно понять.

Сергей Брезкун (Кремлёв)

Книга 1

Весна 1917-го: не меч, но мир

«...И при новом правительстве Львова и К [война] остаётся грабительской, империалистической войной в силу капиталистического характера этого правительства... Никакой поддержки Временному правительству, разъяснение полной лживости всех его обещаний... Недопустимы ни малейшие уступки «революционному оборончеству»...

На революционную войну, действительно оправдывающую революционное оборончество, сознательный пролетариат может дать своё согласие лишь при условии: а) перехода власти в руки пролетариата и примыкающих к нему беднейших частей крестьянства; б) при отказе от всех аннексий на деле, а не на словах; в) при полном разрыве со всеми интересами капитала...

...Советы рабочих депутатов есть единственно возможная форма революционного правительства. Не парламентская республика – возвращение к ней от Советов было бы шагом назад, – а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху».

[В. И. Ленин. Из статьи «О задачах пролетариата в данной революции», газета «Правда», № 28 от 7 апреля 1917 г. (ПСС, т. 31, с. 113–115.)]

«Две программы стоят перед русским народом. Одна – программа капиталистов, перенятая Черновыми и Церетели. Это – затягивание бойни.

Другая программа – программа революционных рабочих всего мира, защищаемая в России нашей партией. Это программа: развязать братание (не позволяя немцам обманывать русских), брататься обменом воззваний, и... распространить братание и фактическое перемирие на все фронты; ускорить переход власти в России в руки Советов... ускорить этим заключение действительно справедливого... мира в интересах трудящихся».

[В. И. Ленин. Из статьи «Фактическое перемирие», газета «Правда», № 52 от 9 (22) мая 1917 г. (ПСС, т. 32, с. 54.)]

Предисловие к книге 1-й «Нам горьким стало молоко под этой ветхой кровлей...»

Весной 1917 года – в апреле, незадолго до своего сорок седьмого дня рождения, Ленин вернулся в Россию из последней эмиграции. Он вернулся в страну, где было формально свергнуто самодержавие, но где фактически не были ещё сломлены, хотя и догнивали общественные институты царской России. Теперь надо было строить новую Россию на обломках того самовластья, о которых писал ещё в 1818 году Александр Пушкин в своём послании Чаадаеву:

Товарищ, верь: взойдёт она,
Заря пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена.

Через почти десять лет – в 1827 году, Пушкин переправит друзьям, сосланным в Сибирь после Декабрьского восстания 1825 года, «Послание...», где будет ободрять их:

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадёт ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье...

Декабрист Александр Одоевский в стихотворном ответе на обращение Пушкина использует знаменитую формулу: «Из искры возгорится пламя...», и Ленин возьмёт эту строку эпиграфом к своей газете «Искра». И вот пламя революции разгоралось, хотя и не очень-то пока освещало даже ближайшее будущее.

К началу 1917 года предчувствие конца старого мира и нового, небывалого Акта Творения, окрашенное как в трезвые – с политико-экономическим анализом, так и в эмоциональные – почти библейские тона, охватывало многих остро и тонко чувствующих русских людей. Достаточно перелистать страницы сборников поэзии такого оригинального, хотя и не глубокого ума, как поэт и художник Максимилиан Волошин, чтобы убедиться в этом лишним раз. Вот названия некоторых его стихов предреволюционных и революционных лет: «Армагеддон», «Неопалимая Купина», «Видение Иезекииля», «Иуда Апостол», «Россия распятая»...

В 1918 году Сергей Есенин написал стихотворение с показательным названием «Небесный барабанщик», где Иисус Христос выведен в виде глашатая революции:

Мы идём, а там, за чашей,
Сквозь белёсость и туман,
Наш небесный барабанщик
Лупит в солнце-барабан.

Чуть позже он же напишет стихотворение «Пантократор» («Всемогущий»), где, обращаясь к Иисусу, заявит:

За седины твои кудрявые,
За копейки с золотых осин
Я кричу тебе: «К чёрту старое!»,
Непокорный, разбойный сын.

И далее:

Сойди, явись нам, красный конь!
Впрягись в земли оглобли.
Нам горьким стало молоко
Под этой ветхой кровлей...

Это ведь не средней руки партийный пропагандист написал... Это написал в реальном масштабе исторического времени великий русский поэт!

Приведу оценку, исходящую и из другого пласта мыслей и чувств, – мнение крупнейшего русского учёного-металлурга Владимира Ефимовича Грум-Гржимайло, высказанное им в 1924 году, в частном письме за границу:

«...Я потерял во время революции буквально всё, что имел. В войсках Колчака я потерял сына и племянника. Тем не менее я ни на минуту не сомневаюсь, что победа красных и провал Колчака, Деникина, Юденича, Врангеля и проч., и проч. есть благо. Больна была вся нация, от подёнщика до министра, от нищего до миллионера, – и, пожалуй, интеллигенция была в большей мере заражена, чем простой народ...

Я считаю современный строй исторически необходимым для России... Современное правительство медленно, но неуклонно ведёт русский народ к выздоровлению».

Это было сказано о правительстве Ленина уже после того, как оно стало фактом новейшей истории России. Но ведь общая оценка выдающимся патриотом России старой частнособственнической России как гнилого, отжившего общества сложилась ещё до того, как Ленин возглавил Россию.

Да, к 1917 году Россия была, что называется, беременна революцией, причём революцией именно народной, пролетарской, о чём даже Ленин не очень-то догадывался даже в январе 1917 года, заявив тогда молодым швейцарским социалистам: «Мы, старики, может быть, не доживём до решающих битв...»

И вот теперь, всего через три месяца после этого заявления, его встречали на Финляндском вокзале тысячи питерцев и открыто пели: «Это есть наш последний и решительный бой!...»

Но с чем приехал Ленин в бурлящую, да к тому же ещё и ведущую изнурительную войну Россию? Что вёз он с собой – мир или меч?

Вёз он, вообще-то, мир!

Ленин не знал – когда точно в России станет возможна социальная революция, но он был готов к ней в любой момент, он готовил себя к ней каждый день с самого начала своей самостоятельной жизни. При этом Ленин отнюдь не был склонен искусственно обострять политическую ситуацию, провоцировать массы на те или иные эксцессы. Он всегда ставил во главе угла политическое просвещение масс, результатом которого должны были стать осмысленные действия трудящихся по обеспечению своих коренных интересов. Дру-

гое дело, что обеспечить их могла лишь социальная революция, дающая политическую власть народам.

Владимира Ленина нередко выставляют экстремистом, а он был реалистом и гуманистом. Иными словами, не будучи пацифистом, он был противником инициирования любой войны – даже классовой. Показательно, что в апреле 1914 года, отвечая польскому журналисту А. Майкосену, спросившему его: «Вы жаждете конфликта?», он ответил:

«Нет, я не хочу его. Почему я должен был бы его хотеть? Я делаю всё и буду делать до конца, что будет в моих силах, чтобы препятствовать мобилизации и войне. Я не хочу, чтобы миллионы пролетариев должны были истреблять друг друга, расплачиваясь за безумие капитализма. В отношении этого не может быть недопонимания. Объективно предвидеть войну, стремиться в случае развязывания этого бедствия использовать его как можно лучше – это одно. Хотеть войны и работать для неё – это нечто совершенно иное».

(История Первой мировой войны. 1914–1918. В 2 томах. М.: Наука, 1975 г., т. 1, с. 93–94.)

Этот ответ Ленина известен мало, а ведь в этом ответе и есть подлинный Ленин, ценящий жизнь людей Труда и желающий по возможности мирного разрешения социальных проблем. Но – разрешения исключительно на базе уступки элитариями политической власти пролетариям.

На Копенгагенском «кооперативном» конгрессе II Интернационала, прошедшем в 1910 году, поднимался вопрос и о возможной будущей войне и об отношении к ней организованных трудящихся. И тогда – не в последнюю очередь благодаря активной позиции Ленина – была вынесена резолюция о голосовании в парламентах против военных кредитов. Социалистическим партиям рекомендовалось требовать от своих правительств сокращения вооружений и полного разоружения, требовать разбора межгосударственных конфликтов в третейских судах.

Рабочих призвали протестовать против угрозы войны.

В октябре 1912 года началась первая Балканская война между Турцией и странами Балканского союза: Болгарией, Сербией, Черногорией и Грецией, носившая до определённой степени характер национально-освободительной.

Ленин сразу же откликнулся на неё обращением «Ко всем гражданам России», выпущенным отдельной листовкой. В Обращении, поддержавшем идею федеративной Балканской республики, в то же время осуждалась «великая» кадетская идея о завоевании Константинополя и говорилось:

«Товарищи рабочие и все граждане России!

...Балканский кризис есть одно из звеньев той цепи событий, которая с начала XX века ведёт повсюду к обострению классовых и международных противоречий, к войнам и революциям...

Войны со всеми их бедствиями порождает капитализм, который обостряет борьбу между нациями и превращает рабов капитала в пушечное мясо. Только всемирная социалистическая армия революционного пролетариата в состоянии положить конец этим бойням рабов ради интересов рабовладельцев...

Долой царскую монархию! Да здравствует демократическая республика Российская!

Да здравствует федеративная республика Балканская!

Долой войну, долой капитализм!

Да здравствует социализм, да здравствует международная революционная социал-демократия!»
(В. И. Ленин. ПСС, т. 22, с. 135–139.)

Здесь всё сказано чётко и определённо – эту линию Ленин выдерживал с самого начала своей деятельности профессионального революционера и выдержал её до конца. Эту линию он настойчиво проводил и в своей работе как деятель европейской социал-демократии. В связи с Балканской войной Международное социалистическое бюро, членом которого от РСДРП был Ленин, созвало в Базеле Чрезвычайный международный социалистический конгресс II Интернационала, где вопрос об отношении к войне стал основным и единственным.

Конгресс единогласно принял Базельский манифест, который чётко определил назревавшую войну, уже мировую, как империалистическую и грабительскую и обвинял в подготовке войны правительства Германии, России, Англии, Франции и Италии. Упущен был, правда, главный поджигатель войны – Соединённые Штаты, но все остальные были указаны верно.

В Базельском манифесте горячо приветствовались выступления против войны рабочих, особенно – русских, и было заявлено, что эта война «не может быть оправдана ни самым малейшим предлогом какого бы то ни было народного интереса»! Однако *в случае возникновения войны* Базельский манифест рекомендовал социалистам использовать экономический и политический кризис, вызванный войной, для борьбы за социалистическую революцию.

С началом Первой мировой войны все лидеры II Интернационала предали идеи ими же подписанного Базельского манифеста и разжигали в народной массе шовинистические настроения, голосовали за военные кредиты, поддерживали буржуазные правительства и даже входили в них. Только Ленин стоял на позициях Базельского манифеста прочно и не колеблясь.

Поэтому было ясно, что Ленин вернулся в Россию с идеей перерастания Февральской буржуазно-демократической революции в России в революцию социалистическую, которую должны были поддержать народы Европы.

Но Ленин желал бы мирного развития революционного процесса, и такой вариант был возможен – если бы Россия прислушалась к Ленину уже весной 1917 года или хотя бы – в начале лета этого года.

Для того чтобы точно установить, какими были устремления и намерения Ленина весной 1917 года, нет нужды рыться в архивах. Полная информация на сей счёт давно и широко доступна и содержится в соответствующих томах 55-томного Полного собрания сочинений Ленина.

Почему-то наименее часто используются наиболее доступные и наиболее достоверные сведения, а ведь сведения, отыскивающиеся в томах ленинских трудов, не только доступны, они ещё и полностью достоверны! Они дают богатейшие возможности для объективного анализа как человеческой и исторической сути Ленина, так и сути той эпохи, главным нервом которой он стал.

Так, для понимания событий весны 1917 года и всех последующих событий этого великого года важнейшее значение имеет весенняя ленинская статья «О задачах пролетариата в данной революции», содержащая знаменитые «Апрельские тезисы»... С этих тезисов, введённых Лениным в общественный оборот сразу после его возвращения в Россию, начинается Ленин как общенациональная фигура, известная не неким узким общественным кругам, а всему обществу. С этих же тезисов начинается и широкая, общенациональная борьба Ленина за новую Россию, чья история неотделима от истории ленинской жизни и борьбы.

Мы подробно рассмотрим эти тезисы, но вначале не мешает задаться вопросом – кто всё же развалил Россию, доведя её до революционного переворота в феврале 1917 года?

С этого мы и начнём.

Глава 1

Кто развалил Россию – «Николай» Ленин или Николай Романов?

ПОСЛЕ ТОГО как «сливки общества» старой России оказались в эмиграции, многие «бывшие» – благо, время было – начали строчить мемуары и воспоминания. И все дружно валили беды России на Ленина и большевиков. Мол, приехал Ленин и всё развалил. Так что будет не лишним задаться вопросом – Ленин ли развалил Россию или всё же кто-то другой?

Не подлежит сомнению, что Ленин приехал в Россию, *без него* совершившую революцию буржуазную, с твёрдым убеждением в необходимости доведения страны уже им, Лениным, до революции социалистической.

Но заявлять, что Ленин-де после приезда разваливал старую Россию, чтобы на её обломках выстроить Россию новую, значит, просто не знать положения дел в тогдашней России.

Россия была развалена задолго до Ленина – самим царизмом.

В советской историографии о России в Первой мировой войне есть блестящая, даже неожиданная монография Владимира Яковлевича Лаверычева «Военный государственно-монополистический капитализм в России», изданная в 1988 году. Её можно цитировать и цитировать!

С одной стороны, там документально показано, что российские капиталисты в ходе войны всё чётче понимали необходимость государственного регулирования экономики – в интересах предпринимателей, конечно, но также – и в интересах эффективной мобилизации всех ресурсов России для успешного ведения войны.

С другой стороны, там документально показано как бессилие царя и его «правительства» решить эту проблему, так и неумение предпринимателей настоять на своём, поскольку их, понимавших необходимость объединения, разъединяла жадность – стремление к максимальной прибыли и потоплению конкурента.

Во время войны военные доходы российских частнособственнических монополистов были огромными, они достигали 50–70 и даже 100 % на основной капитал! И при всём при том монополисты, срывавшие благодаря царизму огромные куши, не удержались от того, чтобы не пилить сук, на котором сидели. А царские власти видели это, но не препятствовали. По сути, царизм существовал сам по себе, а возникающие отраслевые буржуазные военно-промышленные комитеты (ВПК) – сами по себе.

Приведу из монографии В. Я. Лаверычева такой пример. 1 ноября 1916 года председатель угольной секции топливного отдела Центрального ВПК Л. Г. Рабинович в ходе дискуссии по проекту учреждения особого регулирующего органа – «Центроугля» заявил: «Имеющимися организациями происходящую разруху исправить нельзя. Синдикат добровольный учредить невозможно. Без правительственного надзора он допущен не будет».

16 ноября 1916 года обсуждение проекта продолжилось, и В. Я. Лаверычев сообщает:

«Доводы Рабиновича не убедили участников и этой встречи. Они с недоверием отнеслись к проектируемой... организации, опасаясь ограничения частной инициативы...»

Л. Г. Рабинович не успокоился и даже в конце 1916 года продолжал агитировать за принудительный синдикат...

Но эти усилия не дали результата».

А вот что писал в печатном органе правого крыла партии эсеров – газете «Воля народа», в номере от 7 сентября 1917 года, известный русский экономист Николай Кондратьев:

«Острая, небывалая нужда ощущается населением в предметах первой необходимости. Нет и не хватает тканей, кожи, железа, керосина, мыла и других товаров. Особенно острую нужду ощущает деревня. Так или иначе, но город всё-таки относительно лучше снабжается перечисленными предметами. Деревня получает жалкие крохи или не получает ничего. Бьётся и носится хозяйственный инвентарь, рвётся одежда... А заменить их вновь нечем. И в деревне нарастает недовольство, злоба против города...»
(Кондратьев Н. Д. *Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции*. Изд. 2-е. М.: Наука, 1991 г., с. 468.)

Это написал до Октября 1917 года не большевик, а человек взглядов скорее либеральных! Даже не левый, а правый эсер, член Совета Российской Республики, товарищ министра по продовольствию во Временном правительстве!

ЦАРИЗМ и капитализм, судорожно хватаясь друг за друга, топили друг друга, а с ними тонула и старая Россия. И это было лишь логическим завершением застарелого, давно начавшегося процесса. Сошлюсь на источник, который для поклонников царской России не может не быть авторитетным, – всё того же великого князя Александра Михайловича.

Он вспоминает, что уже в 1914 году в штабе Юго-западной армии его брат в. к. Николай Михайлович предрекал решительное поражение России «не позднее весны 1915 года». Далее Александр Михайлович пишет, что «наиболее боеспособные части... были целиком израсходованы в легкомысленном наступлении 1914–1915 гг., девизом которого было «Спасай союзников!»...»

Николай Стариков утверждает, что задачей-де Ленина был развал России на «союзнические» деньги. Однако с этой задачей успешно справлялась сама элита царской России, истощая мощь Отечества в обмен на «данайские» союзнические займы.

По свидетельству в. к. Александра Михайловича, «официальные данные говорили, что противник выпускает сто шрапнельных снарядов на наш один», но «в действительности эта разница была ещё более велика: наши офицеры оценивали это соотношение в 300:1».

Александр Михайлович обвиняет генерала Алексеева в том, что тот «связал себя заговорами с врагами существовавшего строя, которые скрывались под видом представителей Земгора (объединённый комитет буржуазных Земского союза и «Союза городов». – С.К.), Красного Креста и военно-промышленных комитетов...»

Большевиков в этом перечне нет, зато великий князь забыл упомянуть союзные посольства, особенно – английское.

Правда, далее Александр Михайлович утверждает, что к лету 1916 года на фронте, «теперь хорошо снабжённом всем необходимым», якобы возобладали «бодрый дух», и «армия мечтала о победе над врагом», уповая на «молниеносное наступление армий генерала Брусилова».

Но великий князь выдавал желаемое за действительное и противоречил сам себе. Откуда могла появиться в 1916 году мощная боеспособная армия, если наиболее боеспособные части были, по его же словам, «целиком израсходованы в легкомысленном наступлении 1914–1915 гг.»? И могла ли *малахольная* царская Россия в один год ликвидировать *трёхсоткратное* превосходство немцев в обеспечении фронта снарядами? Или даже – стократное?

Зато Александр Михайлович не ошибается, заявляя: «*Политиканы же мечтали о революции...*» Политиканы революцию – как дворцовую «спецоперацию» верхов – и начали.

Причём политиканы самой разной окраски – от масонско-«голубой» и аристократически-голубой до меньшевистской «бледно-розовой». Лишь «красной» краски в планах заговорщиков не было, ибо красный – это цвет политиков, действующих в интересах трудящегося большинства, а не прощелыг, политиканствующих во имя интересов имущего меньшинства.

Царь Николай был, конечно, не окончательно глуп и попытался, пусть и запоздало, противодействовать заговору. Однако «резьба» власти, скреплявшей царскую Россию, к 1917 году полностью проржавела, и попытка царя «завинтить гайки» привела к тому, что Россию «сорвало с резьбы».

Без Ленина!

Вот телеграмма от 26 февраля (старого стиля) 1917 года, направленная председателем Государственной думы Родзянко в адрес начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала Алексева:

«Железнодорожное сообщение по всей России в полном расстройстве. На юге из 63 доменных печей работают только 28 ввиду отсутствия подвоза топлива и необходимого материала. На Урале из 92 доменных печей остановилось 44 и производство чугуна, уменьшаясь изо дня в день, грозит крупным сокращением производства снарядов... Правительственная власть полностью бездействует и совершенно бессильна восстановить нарушенный порядок...»

Так кем была развалена царская Россия?

И была ли она уже развалена до приезда Ленина или нет?

Ответ очевиден: «Была, была Россия развалена – до Ленина и без Ленина!» Здесь постарались, конечно, и милоковы, и керенские, и гучковы с их ловкими присными, однако не забудем о царе Николае с его бездарными присными!

ДВУХ мнений быть не может: Россию – до приезда Ленина и без Ленина – разваливал не только самодержец Николай, но и антиниколаевские заговорщики. И последние разваливали Россию со вполне определённой целью: без резкого падения и так низкого жизненного уровня народа его не взбунтуешь и царя не свалишь.

Об этой части работы по развалу России – о действиях Элиты, тоже забывать не стоит. Причём переворот Элита спланировала неглупо – собственно, иначе он не был бы успешным.

В период Февральской революции и позже играл определённую роль «бледно-розовый» Владимир Бенедиктович Станкевич (а точнее – Владас Станка), приват-доцент кафедры уголовного права Петербургского университета и лидер фракции трудовиков («эн-эсов» – «народных социалистов»), в 1917 году – комиссар Временного правительства.

Уже в эмиграции он вспоминал:

«...в конце января (1917 года. – С.К.) мне пришлось в очень интимном кружке встретиться с Керенским. Речь шла о возможностях дворцового переворота. К возможностям народного наступления все относились определённо отрицательно, боясь, что, раз вызванное, народное массовое движение может попасть в крайне левые русла и создаст чрезвычайные трудности в ведении войны».

С другой стороны, без народа в перевороте обойтись не получалось, и это заговорщики – повыше Станкевича и положением, и умом – понимали.

Как же развивались (а точнее – как были спланированы) события, приведшие Россию к Февралю Элиты?

А вот как...

В феврале 1917 года в Петрограде была введена карточная система распределения хлеба и других продуктов, и сразу – надо же! – начались «хлебные беспорядки».

Странно – распределение вроде бы *упорядочили*, и тут же – *беспорядки*!

На самом деле всё было в рамках железной логики – железной и даже, скорее, *золотой*, для тех, кто задумывал Февраль 1917 года как совместную спецоперацию верхов буржуазной Элиты Запада и буржуазно-элитарной России. Не обострив *искусственно* ситуацию *для «низов»*, «верхи» не могли бы начать антиниколаевский переворот. Вот ситуацию искусственно и обострили – благо дело, все козыри накануне Февраля были в руках Элиты.

Конечно, царская самодержавная Россия и без подталкивания объективно шла к краху. Однако энергичные меры согласованно действующих «верхов», клявшихся в «верности России», могли бы ситуацию стабилизировать. «Верхи» же «лодку» раскачивали! И это, как видим, признавал позднее даже великий князь Александр Михайлович.

Что и говорить, раскачивали Россию тогда многие, но – не Ленин из Цюриха или Женева!

К сожалению, лишь по памяти привожу промелькнувший в 1990-е годы в журнальной периодике **важнейший** факт. В феврале 1917 года практически одновременно по сети железных дорог России вышло из строя до тысячи паровозов! Якобы «по забывчивости» в морозы «забыли» слить воду из тонких трубок пароохладительной системы, и они лопнули. В результате Сибирь и Юг России чуть ли не ломилась от сливочного масла и зерна, а подвезти в Петроград их было нечем, и в столице ввели карточки на хлеб.

Однако даже их не «отоваривали».

Многие тысячи трубок на сотнях паровозов лопнули в одночасье, похоже, не случайно – одним из руководителей царского Министерства путей сообщения был в то время видный кадет профессор Ломоносов, а министром – некто Кригер-Войновский...

Как и сам Юрий Владимирович Ломоносов, Эдуард Брониславович Кригер-Войновский лично для меня является фигурой непрояснённой. Родился в 1864 году на юге России, умер в 1933 году в Берлине. Окончил Петербургский технологический институт и Институт инженеров путей сообщения, затем работал на ряде железных дорог, с 1906 по 1909 год управлял эксплуатационным отделом в Министерстве путей сообщения – МПС. Был управляющим Ростово-Владикавказской железной дороги. И оказался последним царским министром путей сообщения.

Инженера Кригера-Войновского поминает в своих «Воспоминаниях» в числе участников «экономического съезда» в сентябре 1920 года генерал барон Врангель. На этом следы теряются – в Интернете попадаются скупые сообщения о том, что экс-министр от политики отошёл и занимался научной работой.

О нём пишут, что он якобы считался среди коллег одним из наиболее профессионально подготовленных для управления российскими железными дорогами специалистов. Может быть, не знаю... Но знаю, что даже в условиях той министерской «чехарды», которой так увлекался в кризисное для России время царь Николай, «карьера» Войновского побила, пожалуй, все рекорды. Он стал «МПС» 27 декабря 1916 года, а уже 27 февраля 1917 года был снят.

В чём дело? Такой якобы специалист, и – в отставку?

Юрий Ломоносов (1876–1952) примерно 23 февраля 1917 года, вернувшись из инспекционной поездки, записал: «...*Пошёл к новому министру, Кригеру-Войновскому. Так же учтив, неопределён и холоден, как был в предшествующих должностях... Говорил, рассчитывая на годы и месяцы вперёд, но некоторая нотка неуверенности чувствовалась уже...*»

Первым министром путей сообщения во Временном правительстве стал кадет Н. В. Некрасов, фигура ещё более тёмная, чем Ломоносов и Кригер. Позднее, в 1930-е годы,

на следствии в НКВД (так вот оно вышло) Некрасов добровольно признавался в своём давнем масонстве. Ломоносов же, кокетничая, писал о нём: «Разве можно сравнить его с Кригером?»

Почему был сменён Кригер и почему он был назначен? Почему «кадет, идеалист, – по оценке Ломоносова, – профессор статистики сооружений» Некрасов сменил Кригера – профессионала и почему остался в МПС кадет Ломоносов?

И почему профессионалы в МПС допустили такой катастрофический развал железнодорожной сети за очень короткий период?

Ведь это всё проделал не Ленин!

Не усилиями Ленина рубль за два месяца, предшествующих Февралю, «упал в цене более, чем за всё предшествующее время войны», – как свидетельствует тот же профессор Ломоносов.

И не усилиями Ленина были созданы искусственные трудности с продовольственным снабжением обеих столиц.

КОГДА анализируют, даже добросовестно, Февральскую революцию, упускают из виду многие важные её аспекты – женский, например. А он оказался первостепенно важным!

Ведь точка удара была выбрана квалифицированно – обеспечение семей рабочих продовольствием лежало на женщинах, а разъярённая женщина – это не разбушевавшийся мужчина. Это – намного серьезнее... Недаром Змий соблазнял в Эдеме не Адама, а Еву. Эмоции женщины (а тем более – сообщества женщин), умело направленные в нужную сторону, – великая сила. В одном случае – созидательная, в другом – всё сметающая.

По свидетельству профессора Ломоносова, накануне Февраля в очереди за хлебом приходилось стоять 3–4 часа, за молоком – 5–6 часов.

Каждый день!

А выстаивали-то очереди женщины.

Каждый день...

Разъярённые женщины были нужны тем, кто планировал Февраль в виде спецоперации интернациональной Элиты как фактор разрушения. И заговорщики, *спланировав* «хлебные беспорядки», своего добились – женщины вышли на улицу.

Не могу утверждать точно – такие вещи вообще не доказываются документально, но могу предположить, что дата начала февральской спецоперации Элиты против самодержавия была определена за семь лет до этого Кларой Цеткин, хотя она об этом и не подозревала.

В 1910 году на 2-й Международной конференции женщин-социалисток в Копенгагене именно Клара Цеткин предложила считать день 8 марта (по старому русскому стилю – 23 февраля) Международным женским днём солидарности работниц.

Отмечали этот день в Европе, отмечали и в России. И элитарным организаторам анти-николаевского переворота заранее было ясно, что того или иного организованного выступления питерских пролетарок 23 февраля 1917 года не миновать.

А отсюда вытекал вполне реальный и разумный для заговорщиков план... Надо искусственно создать в столице продовольственный кризис накануне Женского дня, накалить женщин так, чтобы их реакция в Женский день была предельно острой, и сделать активность женщин катализатором дестабилизации в Питере. А на волне волнений можно совершить переворот и вынудить царя отречься.

Агенты Элиты не подстрекали женщин, они *заранее* знали, что в связи с ухудшением положения столичных рабочих выступление женщин *обязательно* будет, и будет в *заранее точно известный* день. И заранее было понятно, что организацию демонстрации протеста против голода, войны и царизма возглавят, пусть и немногочисленные, питерские большевики. А это гарантировало боевой настрой масс.

Так или не так планировала Элита, но события разворачивались именно так...

14 февраля 1917 года после каникул открывалась Государственная дума.

18 февраля началась забастовка на Путиловском заводе, и к 22 февраля её поддержало большинство остальных крупнейших предприятий. В этот день хозяева объявляют локаут, что лишь накаляет страсти.

23 февраля 1917 года, в Международный день женщин-пролетарок, в Петрограде прошли массовые демонстрации. И именно они обеспечили сильную электризацию столичных масс.

В каждой шутке есть доля шутки, и можно сказать, что если бы не Клара Цеткин с её днём 8 марта, то, может быть, Ленин так и оставался бы в Швейцарии эмигрантом, а царь Николай – не троне.

Переходя же от шуток к хронологии, напомним, что 25 февраля 1917 года началась всеобщая забастовка в Петрограде, и в этот же день Николай издал «высочайший указ» о роспуске IV Государственной думы.

Дума царю не подчинилась.

Царь приказывает подавить волнения вооружённой силой, войска кое-где начинают стрелять в демонстрирующий народ, но в один день всё меняется – уже 26 февраля столичные полки стреляют в отряды конных городских.

Начинается...

А что, к слову, начинается?

Вот то-то и оно, что спланированный Элитой как спецоперация переворот начинается на фоне почти спонтанного народного восстания. Царская Россия находилась в состоянии неустойчивого равновесия. Элита её качнула вроде бы туда, куда надо *ей*, а царизм рухнул ни вправо, ни влево, а где-то посередине – в зону двоевластия: и элитарного «Временного» правительства, и Совета рабочих депутатов, пусть пока и меньшевистского.

Качнула же царскую Россию к окончательному краху Элита.

Здесь было бы к месту *полностью* привести разделы 4-й «Поражение царских войск на фронте. Хозяйственная разруха. Кризис царизма» и раздел 5-й «Февральская революция...» из главы VI «Краткого курса ВКП(б)», где дан внятный анализ тех дней. Однако приведу лишь небольшое извлечение оттуда:

«...русская буржуазия решила провести дворцовый переворот с тем, чтобы сместить царя Николая II и вместо него поставить царём связанного с буржуазией Михаила Романова. Этим она хотела убить двух зайцев:... пробраться к власти и обеспечить дальнейшее ведение империалистической войны и предупредить небольшим дворцовым переворотом наступление большой народной революции...

Царизм явно переживал смертельный кризис.

Буржуазия думала разрешить кризис путём дворцового переворота.

Но народ разрешил его по-своему... Рабочие массы пошли за большевиками».

Сталинский «Краткий курс» был политическим учебником, а не научной монографией, учебник же всегда схематизирует события. В первый период революции рабочие массы пошли всё же не за большевиками – в первые дни Февраля роль большевиков даже в Петрограде была далеко не ведущей, что доказывает и эсеро-меньшевистский характер первого Петросовета. Но, как видим, Сталин не приписывал заслугу *начала* революции большевикам, а честно признавал, что «кашу» вначале «заварила» буржуазия...

Тем не менее уже в первые недели революции всё пошло не по планам Элиты, а уж после приезда в Россию Ленина – и тем более. Начал же Ленин, как уже было сказано, с «Апрельских тезисов».

Глава 2

Апрельские тезисы...

УЖЕ из названия главы ясно, что события, о которых пойдёт речь, относятся к апрелю, конкретно – к апрелю 1917 года. Но для того, чтобы лучше понимать ситуацию, которая возникла в России к весне 1917 года, надо хотя бы кратко окинуть взглядом период с момента образования партии большевиков до февраля (марта) 1917 года.

Напомню, что двойные даты объясняются тем, что в дореволюционной России был принят юлианский календарь, разработанный Юлием Цезарем, в то время как Европа давно перешла на григорианский календарь папы Григория XIII, «убежавший» к XX веку по сравнению с юлианским на 13 дней вперёд.

Сегодня мы тоже живём по григорианскому календарю – как весь мир. И это – один из результатов прихода в жизнь России партии Ленина.

Итак, немного – об истории партии...

Российские марксисты – социал-демократы – создали реально работающую партию на II съезде в 1903 году. Первый съезд 1898 года в Минске, провозгласивший создание Российской социал-демократической рабочей партии – РСДРП, собрал всего 9 делегатов. На открывшемся же 17 (30) июля 1903 года в Брюсселе, а затем переехавшем в Лондон II съезде РСДРП уже 43 делегата представляли 26 региональных организаций.

II съезду предшествовала большая работа Ленина и других тогдашних лидеров социал-демократов по организации выпуска нелегальной газеты, которая позволила объединить разрозненные силы, и такой газетой стала нелегальная «Искра».

На первых порах РСДРП была единой партией, но поскольку на II съезде наметился раскол, а ленинская линия по ряду вопросов получила поддержку большинства, сторонников Ленина стали с тех пор называть большевиками, а оппонентов Ленина в РСДРП – меньшевиками. И хотя потом Ленин и его соратники нередко оказывались в меньшинстве, название оказалось «знаковым» – убедительным и точным.

В конце концов большинство пошло за Лениным.

Зимой 1905 года началась первая русская революция... В апреле 1905 года в Лондоне собрался III съезд РСДРП, а 17 октября 1905 года царь вынужден был издать манифест о «свободах»...

В декабре 1905 года в Москве вспыхнуло рабочее восстание, жестоко подавленное. Террор и уступки царя несколько снизили накал страстей: если в 1905 году в стачках приняло участие 2 миллиона 863 тысячи человек (для тогдашней России – цифра огромная), то в 1906 году – 1 миллион 108 тысяч, а в 1907 году – и вовсе 740 тысяч.

В апреле 1906 года в Стокгольме собрался IV съезд РСДРП – так называемый Объединительный. 111 делегатов представляли 57 региональных организаций, но большинство имели меньшевики. В Центральный Комитет, избранный съездом, вошли 3 большевика и 6 меньшевиков, а в редакцию центрального партийного печатного органа – газеты «Искра» – только меньшевики (Мартов-Цедербаум, Мартынов-Пикер, Маслов, Дан и Потресов).

Боевитость, напор партии сразу пошли на убыль, и в этих условиях Ленин настаивал на проведении нового партийного съезда, а меньшевики во главе с Плехановым и Мартовым выступали против. Однако в мае 1907 года в Лондоне собрался V съезд РСДРП и длился почти две недели.

На V съезде чётко проявилось противостояние Ленина, с одной стороны, и Плеханова с Мартовым и Даном, с другой стороны. Троцкий выдавал себя за «внефракционного» «центриста», но фактически поддерживал меньшевиков и бундовцев (членов отдельного еврейского Бунда).

Делегаты съезда представляли 150 (!) тысяч членов партии – вроде бы немалая сила. Однако тогда это была весьма разношёрстная партия, вскоре начался спад революционного движения, наступила реакция... Нестойкие впадали в уныние и отходили от революции. И Ленин с большевиками полностью разошлись с меньшевиками.

В 1912 году Троцкий создал так называемый «Августовский» блок – антибольшевистский, то есть – антиленинский. Ещё раньше – в январе 1912 года – большевики провели в Праге VI Всероссийскую партийную конференцию – практически отдельный съезд большевиков. На Пражской конференции был образован особый центр для оперативного руководства партийной работой в России – Русское бюро ЦК во главе со Сталиным, который был избран заочно, поскольку отбывал ссылку в Вологде.

В России начиналось общественное оживление – в восторг от царя приходило всё меньшее число его подданных, и чтобы быть поближе к России, Ленин в июне 1912 года переехал из Парижа в австрийский тогда Краков. Ещё раньше по инициативе Ленина и Сталина с 22 апреля (5 мая) 1912 года в Петербурге стала выходить легальная ежедневная рабочая газета «Правда», первый номер которой открывала передовая «Наши цели», написанная Сталиным.

Вскоре Сталин был в очередной раз арестован и в июле 1912 года выслан в Нарымский край под гласный надзор полиции на три года. Но уже в сентябре Сталин бежит из ссылки, а в ноябре приезжает к Ленину в Краков в первый раз (вернувшись нелегально в Петербург, Сталин вновь побывал потом у Ленина в конце 1912 года).

В конце февраля 1913 года Сталина арестовывают в последний раз и в июле высылают в Туруханск, откуда убежать было уже невозможно. А в Европе дело шло к войне, которая 1 августа 1914 года и началась.

ЛЕНИН тогда переехал из Кракова в деревню Поронин – там было спокойнее и здоровее для заболевшей базедовой болезнью Крупской. В Поронине австрийские власти по ложному доносу арестовывают Ленина – как «русского шпиона». В результате он оказался в галицийской тюрьме в Новом Тарге, но быстро выяснилось, что Ленин и русский царизм – понятия несовместные, и Ленина освободили. Однако, пока австрияки и немцы не поняли, что он является врагом не только царизма, но и вообще всей имущей элитарной сволочи – как коронованной, так и некоронованной, Ленин и Крупская уехали от греха подальше в Швейцарскую республику.

На другой же день после приезда из Поронина в Берн Ленин выступил на собрании бернской группы большевиков с докладом об отношении к войне. Запись этого доклада получила позднее известность как «Тезисы о войне», и вот как смотрел Ленин на положение дел уже в сентябре 1914 года:

«Европейская и всемирная война имеет ярко определённый характер буржуазной, империалистической, династической войны. Борьба за рынки и грабёж чужих стран... стремление одурачить, разъединить и перебить пролетариев, натравив наёмных рабов одной нации против наёмных рабов другой на пользу буржуазии – таково единственное реальное содержание и значение войны...

Обе воюющие группы наций ничуть не уступают друг другу в жестокостях и варварстве войны.

...Задачей социал-демократии России является в особенности, и в первую голову, беспощадная и безусловная борьба с великорусским и царско-монархическим шовинизмом... С точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии и её войск (заметим – монархии, а не России. – С.К.)...

Лозунгами социал-демократии в настоящее время должны быть:

... всесторонняя, распространяющаяся и на войско, и на театр военных действий, пропаганда социалистической революции и необходимости направить оружие не против своих братьев, наёмных рабов других стран, а против реакционных и буржуазных правительств...

пропаганда республики немецкой, польской, русской и т. д., наряду с превращением всех отдельных государств Европы в республиканские Соединённые Штаты Европы;

... борьба с царской монархией и проповедь революции в России, а равно освобождения и самоопределения угнетённых Россией народов, с ближайшими лозунгами демократической республики, конфискации помещичьих земель и 8-ми часового рабочего дня».

(В. И. Ленин. ПСС, т. 26, с. 1–7.)

Социалистические лидеры европейских воюющих стран – все, за исключением единиц вроде Карла Либкнехта, поддержали войну и заняли «патриотическую» позицию. Ленин же сразу возвысил свой голос против войны. Причём это была позиция не пацифиста, а революционера: коль уж война буржуазией развязана, превратим войну империалистическую в войну классовую.

Задумаемся: если бы народы Европы и России в 1914 году дружно прислушались к Ленину и реально совершили то, к чему он призывал? Что это означало бы?

А вот примерно, что...

Не погибло бы более 20 миллионов человек – военнотружущих и гражданских лиц, и не было бы ранено ещё 20 миллионов.

Не пропало бы без вести 3 миллиона человек.

Не осталось бы 5 миллионов вдов и 9 миллионов сирот.

Не было бы впустую – на разрушения и смерти – израсходовано 50 миллиардов тогдашних фунтов стерлингов. Это умопомрачительная цифра – по нынешним оценкам, примерно десять триллионов долларов. Только США, вступившие в войну весной 1917 года, истратили на войну в ценах 2001 года полтриллиона долларов!

И все эти деньги могли пойти на развитие Европы и России – на развитие мирной экономики, на жильё, школы, больницы, санатории, на украшение умной и весёлой жизни народов.

Не были бы уничтожены многие города и деревни во Франции, в Бельгии, в Германии, в России, Сербии, Польше...

Не было бы военной разрухи в России, не было бы Гражданской войны и иностранной интервенции, не было бы голода 1921 года в Поволжье...

Зато уже к 1915 году была бы единая братская Европа – не буржуазная, а социалистическая!

И для этого надо было всего-то не стрелять Джонам, Жанам и Иванам в Гансов, а Гансам – в Джонов, Жанов и Иванов, а – коль уж лондонские, парижские и венские Ротшильды и российские Рябушинские сами вручили им винтовки – направить оружие, как предлагал Ленин, не против друг друга, а против развязавших бойню правительств.

Реально вышло иначе – глупо и кроваво, потому что уже тогда Золотая Элита научилась превращать информационную «лапшу» на ушах простых людей в бриллианты в ушах светских дам! С тех пор элита это умение лишь оттачивала, доведя его в XXI веке до совершенства.

Ленинские же «Тезисы о войне» вскоре были переправлены в Россию и широко обсуждались там в партийных организациях – нелегальных, естественно. Стали они известны и в Европе, и резко антивоенная позиция Ленина в ходе войны лишь укреплялась.

ИТАК, начавшаяся в 1914 году Первая мировая война застала Ленина в эмиграции, выезд в Россию для лидера большевиков, к тому же – убеждённого противника войны, был невозможен. Так что, когда в России в 1917 году произошла Февральская революция, Ленин по-прежнему жил в Швейцарии.

В России же сразу создалась ситуация двоевластия. С одной стороны, образовался Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов – весьма, впрочем, вялый. С другой стороны, возник Временный комитет царской Государственной думы во главе с председателем IV Думы помещиком Родзянко и сформировал первое Временное правительство князя Львова, в которое вошли профессор Милюков – лидер кадетов (партии крупной буржуазии), октябрист Гучков и прочие...

Начинались бурные события, Ленину надо было как можно скорее возвращаться домой, однако путь в Россию оказался непрост – пришлось пойти на вариант проезда из Швейцарии в Швецию транзитом через Германию в изолированном вагоне с экстерриториальным статусом. Эта история с вагоном, названным буржуазной прессой «пломбированным», здесь не описывается по причине, указанной в предисловии. Поэтому, пропуская несколько недель начавшегося 1917 года, просто сообщу, что поздно вечером 3 апреля (16 апреля по новому стилю) 1917 года Ленин приехал в Петроград.

На Финляндском вокзале ему была устроена восторженная встреча, был выстроен почётный караул. По пути в дворец Кшесинской, где разместился штаб большевиков, Владимир Ильич несколько раз обращался с броневики к толпам встречающих с краткими речами. Это были, естественно, просто агитационные призывы, однако наутро 17 апреля Ленин дважды выступал деловым образом. Вначале на хорах Таврического дворца он сделал доклад для большевиков – делегатов Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов, а потом повторил свою речь уже на объединённом собрании большевиков и меньшевиков, участвовавших во Всероссийском совещании Советов.

Совещание было созвано Исполнительным комитетом Петроградского Совета и проходило в Петрограде с 11 по 16 апреля н.ст.

Состав Петроградского Совета был тогда преимущественно эсеровско-меньшевистским. Председателем Петроградского Совета первого созыва стал лидер меньшевиков Карло Чхеидзе, другой лидер меньшевиков – Ираклий Церетели был членом Исполкома Петросовета... Заместителем председателя состоял центрист Матвей Скобелев, в первое руководство Петросовета входили также лидеры эсеров Виктор Чернов и Александр Фёдорович Керенский... Последний, правда, быстро перескочил из кресла зампреда Совета в кресло министра юстиции первого состава Временного правительства, но и без «Александры Фёдоровны» в первом Петроградском Совете претенциозных политических уродов хватало. Скажем, Церетели вернулся из ссылки 19 марта 1917 года и сразу же вошёл не только в состав Исполкома Петроградского Совета, но и в контактную комиссию по координации деятельности с Временным правительством для подготовки вхождения меньшевиков и эсеров в правительство, которое произошло 5 мая 1917 года.

Поэтому не исключаю, что срок окончания совещания Советов эсеры и меньшевики из Петросовета намеренно подгадали так, чтобы Ленин не успел на нём выступить и, во всяком случае, не смог активно в нём участвовать. Зная взгляды и умение Ленина убеждать аудиторию, можно было предполагать всякое, в том числе – если и не немедленный, то достаточно быстрый переход влияния на народную массу к большевикам.

Собственно, так оно дальше и происходило, хотя и не в том темпе, в каком бы следовало.

Между прочим, на Финляндском вокзале Чхеидзе и Скобелев, приветствуя Ленина от имени Петросовета, выразили надежду, что он-де найдёт с ними общий язык. Однако Ленин

прошёл к броневнику и бросил в массы призыв: «Да здравствует социалистическая революция!»

Впрочем, от апреля 1917 года до Октября 1917 года должно было пройти не полгода, а целая историческая эпоха – века, спрессованные в шесть месяцев. Пока массы шли не за большевиками.

На Всероссийском совещании Советов были представлены Петроградский и 82 местных Совета, а также Советы армейских частей фронта и тыла. Главные вопросы: о войне, об отношении к Временному правительству, об Учредительном собрании, а также – аграрный вопрос, продовольственный и другие. Тон задавали меньшевики и эсеры, дважды витийствовал «патриарх российского марксизма» меньшевик Георгий Плеханов, и Совещание заняло позицию «революционного оборончества». За продолжение войны было подано 325 голосов, против – 57. Было вынесено решение о поддержке Временного правительства, а большевика Старостина, призвавшего к окончанию войны, дружно освистали под не менее дружный социал-патриотический топот делегатов.

Не успел Ленин ступить на русскую землю, а газета группы Плеханова «Единство» уже написала, что Лениным-де «водружено знамя гражданской войны в среде революционной демократии».

Конечно, это была чепуха – я ещё к этому вернусь, но Ленин действительно сразу же взял быка за рога и уже 4 (17) апреля на собрании большевиков и меньшевиков заявил:

– Мы – вовсе не пацифисты. Но основной вопрос: какой класс ведёт войну? Класс капиталистов, связанный с банками, никакой другой войны, кроме империалистической, вести не может. Стеклов, Чхеидзе всё забыли. Когда читаешь резолюцию Совета рабочих депутатов, поражаешься, как люди, заявляющие себя социалистами, могли вынести такую резолюцию. Воззвание Совета рабочих депутатов – там нет ни одного слова, проникнутого классовым сознанием. Там сплошная фраза! Единственное, что губило все революции, это фраза, это лезть революционному народу...

Как часто потом Ильича обвиняли в том, что он якобы потакает низменным страстям толпы, соблазняет народ красивыми речами, а вот она – правда о Ленине. Только приехав в Россию, он сразу же заявил, что льстить народу большевики не должны. Потому что обман народа – гибель революции...

Ленин был категоричен и в другом:

– Войну можно кончить лишь при полном разрыве с международным капиталом. Войну породили не отдельные лица, а международный финансовый капитал... Революционное оборончество – измена социализму. Что делать? Разъяснить, что такое социализм. Мы не шарлатаны. Мы должны базироваться только на сознательности масс. Если даже придётся остаться в меньшинстве – пусть. Стоит отказаться на время от руководящего положения, не надо бояться остаться в меньшинстве...

Что показательно! Ленин, *впервые в своей жизни* легально получивший в России обширную аудиторию, сразу же повёл себя как лидер, приверженный правде и только правде и говорящий с народом языком, понятным народу. Он предупредил:

– К народу надо подходить без латинских слов, просто, понятно... Что своеобразно в России, это гигантски быстрый переход от дикого насилия к самому тонкому обману... Мы не хотим, чтобы массы верили нам на слово... Мы хотим, чтобы массы *опытом* избавились от своих ошибок... Когда массы заявляют, что не хотят завоеваний, – я им верю. Когда Гучков и Львов говорят, что не хотят завоеваний, они – обманщики. Когда рабочий говорит, что хочет обороны страны, – в нём говорит инстинкт угнетённого человека...

Ленин был, конечно, прав. Он был не против обороны Отечества, он всего лишь призывал народ вначале обрести это Отечество, обрести в нём права человека, а уж потом его защищать.

И то, что было сказано им 17 апреля 1917 года в устном докладе, он немедленно изложил в статье «О задачах пролетариата в данной революции» (В. И. Ленин. ПСС, т. 31, с. 113–118).

Статья была опубликована в № 26 «Правды» 20 апреля (7 апреля по старому стилю) 1917 года и содержала знаменитые тезисы, которые назвали «Апрельскими». Ленин начал писать их ещё в пути, по дороге в Россию, и 17 апреля передал одному из членов редакции «Правды» с настоятельной просьбой напечатать в ближайшем номере, однако реально статья с тезисами была опубликована чуть позже.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ щепетильность Ленина (как часто его обвиняли в противоположном!) проявилась в том, что он сразу же предупредил читателей «Правды»: «Приехав только 3 апреля ночью в Петроград, я мог, конечно, *лишь от своего имени* (жирный курсив мой. – С.К.) и с оговорками относительно недостаточной подготовленности, выступить на собрании 4 апреля...» Иными словами, признанный лидер большевиков, Ленин до одобрения его тезисов Центральным Комитетом РСДРП(б) не считал возможным подавать их как партийную программу! При этом он далее писал, что «изготовление *письменных* (здесь и далее везде курсив Ленина. – С.К.) тезисов он предпринял для облегчения работы не только себе, но и «*добросовестным* оппонентам», и что он «передал их текст тов. Церетели»...

Как видим, Ленин ещё рассматривал Акакия Церетели как товарища по борьбе за новую Россию. Так о какой «гражданской войне в среде революционной демократии» тут можно было говорить? Да, Ленин критиковал Петросовет, но это была пока что *товарищеская* критика, и не вина Ленина, что меньшевики и эсеры к ней не прислушались.

Ленин был в своих основных мыслях твёрд и категоричен, но он всегда был твёрд и категоричен, потому что за его твёрдой позицией всегда стояли долгие размышления. Тем не менее в первый момент категоричностью Ленина были смущены даже некоторые большевики, особенно Каменев, который никогда особенно «твердокаменным» не был. На следующий день после публикации в «Правде» статьи Ленина с «Апрельскими тезисами» та же «Правда» писала: «*Схема т. Ленина представляется нам неприемлемой, поскольку она исходит от признания буржуазно-демократической революции законченной и рассчитана на немедленное перерождение этой революции в социалистическую*».

Впрочем, подобные мнения в массовой части большевистской партии погоды уже не делали – Ленин как никто умел разгонять тучи любых сомнений!

Что же до непосредственно «Апрельских тезисов», то их было десять. И все они были политически безупречны и исторически актуальны. Актуальны по сей день! А точнее – актуальны не столько для нынешнего реального – тупого и подлого – нашего дня, сколько для возможного завтрашнего – умного и весёлого дня.

Вот эти тезисы, данные ниже в частичном сокращении, с небольшими моими комментариями...

«1. В нашем отношении к войне, которая со стороны России и при новом правительстве Львова и К° остаётся грабительской, империалистической войной в силу капиталистического характера этого правительства, недопустимы ни малейшие уступки «революционному оборончеству».

На революционную войну, действительно оправдывающую революционное оборончество, сознательный пролетариат может дать своё согласие лишь при условии: а) перехода власти в руки пролетариата и примыкающих к нему беднейших частей крестьянства; б) при отказе от всех

аннексий на деле, а не на словах; в) при полном разрыве со всеми интересами капитала...»

Что здесь неясного или неверного?

Россию защищать от внешнего врага надо, но вначале надо установить в России народную власть, которая будет вести войну в целях изгнания оккупантов со своей территории, а не в целях захвата черноморских проливов и не в целях военных прибылей капитала.

Это ведь и сейчас злободневно: не Чечню надо было усмирять, а выборным путём изгнать из власти в Кремле тот капитал, который породил Чечню, который поощряет националистов и на ровном месте разжигает национальную вражду между народами России.

«2. Своеобразие текущего момента в России состоит в *переходе* от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, – *ко второму* её этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоёв крестьянства...

Это своеобразие требует от нас умения приспособиться к особым условиям партийной работы в среде неслыханно широких, только что проснувшихся к политической жизни масс пролетариата...»

И тут всё ясно! Как мог иначе мыслить политик, исходящий из интересов трудящихся? В России пало самодержавие, и это – хорошо! Плохо то, что власть осталась у привилегированных. Однако если народная масса пришла в движение, если она стремительно политизируется и сдвигается «влево», то необходимо довести её сознание до понимания того, что революцию надо довести до конца, создав власть, кровно связанную не с помещиками, капиталистами и финансовыми олигархами, а с людьми труда – промышленного и сельского.

Ленин был прав в 1917 году, но его правота сохраняется и спустя сто лет! В 1991 году в силу недостаточной трезвости ума и дезорганизации горбачёвцами народов СССР эти народы утратили Советскую власть, и теперь необходимо вернуть власть в России трудящимся.

«3. Никакой поддержки Временному правительству, разъяснение полной лживости всех его обещаний...»

Обещания Временного правительства в 1917 году были действительно пустым звуком, а точнее – намеренным, наглым обманом народа. Но разве не то же самое надо сказать о современном правительстве «Единой России», единолично правящей Россией вопреки интересам народа и во имя интересов двух-трёх процентов населения?

«4. Признание факта, что в большинстве Советов рабочих депутатов наша партия в меньшинстве, и пока в слабом меньшинстве, перед *блоком всех* мелкобуржуазных оппортунистических, поддавшихся влиянию буржуазии и проводящих её влияние на пролетариат элементов от народных социалистов, социалистов-революционеров до... Чхеидзе, Церетели... и пр. и пр.

Разъяснение массам, что С.Р.Д. (Советы рабочих депутатов. – С.К.) есть *единственно возможная* форма революционного правительства и что поэтому нашей задачей, пока *это* правительство поддается влиянию буржуазии, может явиться лишь терпеливое, систематическое, настойчивое, приспособляющееся особенно к практическим потребностям масс, *разъяснение* ошибок их тактики.

Пока мы в меньшинстве, мы ведём работу критики и выяснения ошибок, проповедуя в то же время необходимость перехода всей государственной власти к Советам...»

Этот тезис прямо обращён и к современным коммунистам. Терпеливое, систематическое, настойчивое, учитывающее практические потребности масс разъяснение их ошибок, разъяснение иллюзорности надежд на капиталистический строй в России – вот разумная линия КПРФ. Но вести эта линия должна к новой Советской власти, а не к мертворождённым программам в рамках нынешней анти-Советской власти.

Вернёмся, однако, к ленинским тезисам:

«5. Не парламентарная республика – возвращение к ней от С.Р.Д. было бы шагом назад, – а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху.

Устранение полиции, армии (т. е. замена постоянной армии всеобщим вооружением народа), чиновничества...»

Если хорошо подумать, то должно быть ясно, что для широких народных масс, живущих своим трудом, Советская власть есть наилучшая форма обеспечения интересов трудящихся, о чём Ленин сразу по возвращении в Россию и сказал. И мысль Ленина не устарела! После двадцати четырёх лет существования бездарной и антинародной Государственной Думы РФ это видно вполне отчётливо.

Идея замены постоянной армии всеобщим вооружением народа была для того момента тоже абсолютно верной. И не только для того времени: в современной Швейцарии при наличии небольших кадрированных вооружённых сил эффективный армейский резерв – это практически весь народ! Всё мужское население, имея на руках личное оружие, регулярно проходит переподготовку, так что нейтралитет Швейцарии гарантируют не только швейцарские банки, но и автомат мужа и отца в чулане рядовой швейцарской семьи.

Особенно же здорово выглядело окончание пятого ленинского «апрельского» тезиса. Я его даже выделю жирным шрифтом:

«Плата всем чиновникам, при выборности и сменяемости всех их в любое время, не выше средней платы хорошего рабочего».

Вот уж тут Ильич бил прямо в лоб всей и тогдашней и нынешней продажной, коррумпированной чиновной сволочи! **Если народы России хотят иметь будущее, то они рано или поздно обеспечат в своём Отечестве именно тот порядок вещей, который Владимир Ильич Ленин предлагал ещё в 1917 году** и который Сталин реализовал в виде партмаксимума – ограничения зарплаты для профессиональных партийных работников. Это хрущёвцы стали жить жирно – убив и оболгав Сталина и Берию, а брежневщина разврат перерождающейся советской элиты закрепила.

Следующий, шестой тезис Ленина также даёт пищу для современных размышлений российских масс над ним:

«6. В аграрной программе перенесение центра тяжести на Советы батрацких депутатов.

Конфискация всех помещичьих земель.

Национализация *всех* земель в стране, распоряжение землёю местными Советами батрацких и крестьянских депутатов... Создание из каждого крупного имения... образцового хозяйства под контролем батрацких депутатов и на общественный счёт».

Этого тезиса ждало от политиков всё крестьянство России, и особые разъяснения тут не требуются, но обращу внимание на то, что Ленин ещё весной 1917 года высказал плодотворную идею сохранения сельскохозяйственных латифундий в виде советских хозяйств – совхозов. Если знать, что основную часть товарного (то есть – на продажу) зерна в царской

России производили именно крупные капиталистические хозяйства, то точностью мысли Ленина можно лишь восхищаться!

Уже на собрании большевиков 4 (17) апреля 1917 года Ленин пояснял:

– Есть богатый мужик, есть батрак. Ему если даже дать землю, – он всё равно хозяйства не создаст. Нужно создать из крупных имений образцовые хозяйства, с хозяйством на общих началах...

Сегодня возврат к совхозам – тоже задача дня, как и следующая задача, поставленная Лениным перед Россией в 1917 году и вновь ставшая насущной через сто лет:

«7. Слияние немедленное всех банков страны в один общенациональный банк и введение контроля над ним со стороны С.Р.Д.».

Это – самый краткий из «апрельских» тезисов, и понятно – почему! Если исходить из интересов огромного большинства народа, а не привилегированной имущей кучки, то здесь всё бесспорно как для 1917, так и для 201n года.

Потому седьмой тезис и был краток, что сто́ит ли вокруг очевидного долгие речи разводить?!

На собрании 4 (17) апреля Ленин, напомнив о формуле Маркса, что банк – это, вообще-то, «форма общественного счетоводства», сказал:

– Война учит экономии, все знают, что банки расхищают народные силы. Банки – нерв, фокус народного хозяйства. Мы не можем взять банки в свои руки, но мы проповедуем объединение их под контролем Совета рабочих депутатов...

Ленин был, как видим, вначале весьма умерен, требуя не национализации, а контроля, и повторил эту мысль в восьмом тезисе:

«8. Не «введение» социализма, как наша непосредственная задача, а переход тотчас лишь к контролю со стороны С.Р.Д. за общественным производством и распределением продуктов».

К тому времени, когда Ленин выдвинул этот тезис, в России – при сильном товарном голоде – простаивали немалые производственные мощности. Капиталисты начинали сворачивать и имеющееся производство, чтобы иметь рычаг для давления на рабочих, то есть проводили политику локаута (от английского «lock-out» – «запирать дверь перед кем-либо»). С другой стороны, в стране развилась бешеная спекуляция, поэтому для трудящихся России в 1917 году и этот ленинский тезис в особых комментариях не нуждался.

Если учесть, что путинский режим наплевательски относится к сохранению и развитию важнейших отечественных отраслей промышленности – например, авиапрома, если учесть, что сегодня мы в любом магазине переплачиваем за товар вдвое, втрое а то и вчетверо по сравнению с *экономически обоснованной* ценой, то...

То и здесь к Ленину не мешало бы прислушаться уже нам, потомкам тех, кто под руководством Ленина совершил Октябрьскую революцию.

Девятый «апрельский» тезис касался вопросов чисто партийных: необходимости немедленного съезда партии (VI съезд РСДРП(б) прошёл с 26 июля по 3 августа 1917 года); перемены и исправления программы партии по ряду пунктов и изменения названия партии.

Остановлюсь на последнем... Февральскую революцию большевики встретили как отдельная партия – Российская социал-демократическая партия (большевиков), РСДРП(б), но в России были и «просто» социал-демократы, то есть – меньшевики разного рода оттенков. Поэтому на собрании большевиков 4 (17) апреля Ленин предложил:

– Лично от себя... Предлагаю переменить название партии, назвать Коммунистической партией. Название «коммунистическая» народ поймёт. Большинство официальных социал-демократов изменили, предали социализм...

С этим предложением Ленина соглашались туго, и он резко бросил:

– Вы боитесь изменить старым воспоминаниям. Но чтобы переменить бельё, надо снять грязную рубашку и надеть чистую... Слово «социал-демократия» неточно. Не цепляйтесь за старое слово, которое насквозь прогнило. Хотите строить новую партию, и к вам придут все угнетённые...

Увы, не все в партии были тогда готовы расстаться со старыми воспоминаниями, да и за «единство» с меньшевиками кое-кто цеплялся... Так что РСДРП(б) была переименована в РКП(б) – Российскую Коммунистическую партию (большевиков) лишь в марте 1918 года, на VII съезде партии.

Наконец, выдвинутый Лениным десятый «апрельский» тезис предлагал обновление Интернационала путём «создания революционного Интернационала, Интернационала против социал-шовинистов и против центра».

К тому времени II Интернационал во главе с ренегатами Бернштейном и Каутским стал фактически «троянским конём» Капитала в среде международного рабочего движения, почему Ленин и сказал о необходимости нового Интернационала. Он был создан уже после Октябрьской революции как III Коммунистический Интернационал, Коминтерн.

ВОТ ЧТО публично предложил Ленин партии большевиков и всей России в апреле 1917 года.

Но как эти его предложения были восприняты руководством РСДРП(б), партийным активом и вообще всей политически активной частью российского общества?

А вот то-то и оно, что далеко не всегда и не всеми очевидное воспринимается как очевидное. Не сразу и не все даже в партии согласились с Лениным в том, что надо рвать со старыми воспоминаниями, с соглашателями, с либералами и вести активную агитацию в целях скорой социалистической революции. Даже Сталин несколько колебался, хотя быстро с сомнениями покончил.

Если в каком-то историческом моменте содержится элемент неоднозначности, то возникает почва для политических спекуляций. Спекуляций вокруг Ленина и его дела хватало в России весной, летом и осенью 1917 года, хватает и в наше время. Ведь в начале XXI века Ленин мешает врагам России не меньше, чем он мешал им в начале XX века. Недаром бан-деровцы начали с уничтожения памятников Ленину.

Начало же клеветы на Ленина уходит в 1917 год...

Как только Ленин включился в активную политическую жизнь России после Февральской революции, на него тут же стали клеветать с разных политических «этажей» – от «временных» правителей, которые обвинили Ленина в «шпионаже в пользу Германии», до плехановцев, которые обвинили его в развязывании гражданской войны в среде «революционной» (ха!) демократии...

Оно и понятно: Ленин, даже находясь вне России, стал главной головной болью и самой острой проблемой всей российской политической сволочи, что называется – гвоздём в сапоге и даже – чем-то вроде шила в известном месте.

По этой сволочи прицельно било уже первое, тогда ещё заочное, послефевральское политическое обращение Ленина к партии и России – его «Письма из далека». Ленин начал писать их в Швейцарии сразу после известия о революции в России...

Большевик В. А. Карпинский (1880–1965) пригласил тогда Ильича приехать из Цюриха в Женеву, чтобы выступить перед русскими эмигрантами и швейцарскими социалистами с рефератом о задачах партии в революции и принять участие в митинге интернационалистов. Ленин – к таким просьбам всегда чуткий, на этот раз ограничился коротким письмом:

«Дорогой товарищ! Очень и очень благодарен за информацию. Ни на реферат, ни на митинг я теперь не поеду, ибо надо писать ежедневно в «Правду», в Питер.

*Лучшие приветы!
Информируйте меня и впредь о новостях и речах разных направлений».*
(В. И. Ленин. ПСС, т. 49, с. 406.)

Тогда же он написал своей верной и умной соратнице Александре Коллонтай: «Главное теперь – печать».

Вот «Письма из далека» и стали той первой ленинской политической «ласточкой», которая, как известно, весны не делает, но весну возвещает.

Ленин написал четыре письма, однако опубликовано было в реальном масштабе времени лишь первое – в № 14 и 15 «Правды» от 21 и 22 марта (3 и 4 апреля нового стиля), причём – со значительными сокращениями. В «Правде» тогда заправлял Каменев. Вернувшийся из сибирской ссылки Сталин тоже входил в состав редакции, но в первые дни ещё не имел права решающего голоса, а Каменев с самого начала занял отнюдь не «твердокаменную» позицию, и решительность Ленина его смущала.

Так или иначе, первое ленинское «Письмо из далека» до массового российского читателя дошло, а в нём Ленин не только дал толковый анализ происходящего, но и чувствительно наступил на большую мозоль тех правых буржуазных кругов, которые и организовали Февраль 1917 года под чутким руководством английского посла Джорджа Бьюкенена и английской спецслужбы...

У «верхушечного» Февральского переворота – как спецоперации имущей элиты были и заокеанские заказчики, о чём позднее будет сказано отдельно.

«АНГЛИЧАНКЕ», которая «завсегда гадит», свергать русских царей во славу Британии было не впервой – 1 марта 1801 года инспирируемые английским послом Чарльзом Уитвортом заговорщики решили проблему неудобного англичанам Павла I просто – золотой табакеркой в висок.

Павел был натурой сильной, поэтому для его устранения и средства потребовались «сильные». А для слабого духом и умом Николая II хватило вовремя подsunутого акта отречения...

Тогда, в 1917 году, в реальном масштабе времени, это (то есть – сговор российских и западных буржуазных «верхов») мало кто осознавал и признавал даже в Петрограде. А Ленин, всего лишь имея газетные материалы, сумел установить точную картину событий Февраля и назвать его западных инициаторов. Он писал о «чудовищной» дезорганизации в царской России, о том, что поражения «расшатали весь старый правительственный механизм и весь старый порядок» (В. И. Ленин. ПСС, т. 31, с. 15).

И это было сущей правдой. Первая мировая война быстро добивала Россию. Ранее уже приводились некие сведения о том, каким было положение к началу 1917 года. Но поскольку сегодня либералы заявляют о полном якобы благополучии, о ликвидации «снарядного голода» и т. д., то лишний раз эти сведения не мешает и повторить: **«Железнодорожное сообщение по всей России в полном расстройстве. На юге из 63 доменных печей работают только 28 ввиду отсутствия подвоза топлива и необходимого материала. На Урале из 92 доменных печей остановилось 44 и производство чугуна, уменьшаясь изо дня в день, грозит крупным сокращением производства снарядов... Правительственная власть полностью бездействует и совершенно бессильна восстановить нарушенный порядок...»**

Напомню, что эти данные взяты из телеграммы от 26 февраля (старого стиля) 1917 года, направленной председателем Государственной думы Родзянко в адрес генерала Алексея, начальника штаба Верховного главнокомандующего. Верховным тогда был сам царь. Причём выше дана далеко не вся удручающая картина экономического развала.

Выход из кризиса родзянки, гучковы, шульгины, милюковы и т. д. увидели в смещении царя, что они и проделали. Но это подавалось как деяние, спасительное для России и совершенное исключительно в интересах России. А Ленин всё это разоблачил – тут же, сразу же после совершения российской элитой государственной измены.

Конечно, то, что элита изменила царю, Ленина трогало мало, а точнее – не трогало вовсе. Но то, что элита намерена править Россией уже без царя не в интересах народа, активно включившегося в революцию, а в интересах элиты и международного капитала, Ленин разоблачил со всей страстью великого гуманиста и со всей силой убийственной (для негодьяв) ленинской логики.

Ниже дан большой отрывок из опубликованного в «Правде» весной 1917 года первого ленинского «Письма из далека». То, что написал Ленин в марте 1917 года, настолько важно и так убедительно разоблачает – само по себе – ложь о якобы сотрудничестве Ленина с Людендорфом и т. д., что ограничиться просто цитатой невозможно...

Надеюсь, читатель познакомится с анализом Лениным сути Февраля 1917 года с тем же нетерпеливым, захватывающим интересом, с каким перечитывал давно знакомые строки я, работая над этой книгой (выделение текста жирным шрифтом везде моё, курсив везде – ленинский, большинство отточий для удобства чтения снято).

* * *

«...Прямо лакействующие перед буржуазией или просто бесхарактерные люди, которые кричали и вопили против «пораженчества», поставлены теперь перед фактом исторической связи поражения самой отсталой монархии и начала революционного пожара.

*Но если поражения в начале войны играли роль отрицательного фактора, то связь **англо-французского финансового капитала, англо-французского империализма с октябристско-кадетским капиталом России является фактором, ускорившим этот кризис путём прямо-таки организации заговора против Николая Романова.***

*Эту сторону дела, чрезвычайно важную, замалчивает по понятным причинам англо-французская пресса и злорадно подчёркивает немецкая. Мы, марксисты, должны трезво смотреть правде в глаза, не смущаясь ни ложью, казённой, слащаво-дипломатической ложью первой воюющей группы империалистов (Антанты. – С.К.), ни подмигиванием и хихиканием их финансовых и военных конкурентов другой воюющей группы (Германии и Австро-Венгрии. – С.К.). Весь ход событий февральско-мартовской революции показывает ясно, что **английское и французское посольства с их агентами и «связями»,** давно делавшие самые отчаянные усилия, чтобы помешать сепаратному миру Николая Второго с Вильгельмом II, **непосредственно организовали заговор вместе с октябристами** (члены праволиберальной партии «Союз 17 октября» – в честь царского Манифеста от 17.10.1905. – С.К.) **и кадетами** (партия крупной буржуазии. – С.К.), **вместе с частью генералитета и офицерского состава армии и петербургского гарнизона особенно для смещения Николая Романова.***

Не будем делать себе иллюзий. Не будем впадать в ошибку тех, кто готов воспевать теперь, подобно «меньшевикам», «соглашение» рабочей партии с кадетами. Эти люди в угоду своей старой заученной (и совсем не марксистской) доктрине набрасывают флёр на заговор англо-французских

империалистов с Гучковыми и Милюковыми с целью смещения «главного вояки» Николая Романова и замены его вояками более энергичными, свежими, более способными.

Если революция победила так скоро и так – по внешности, на первый поверхностный взгляд – радикально, то лишь потому, что в силу чрезвычайно оригинальной исторической ситуации слились вместе, и замечательно «дружно» слились, совершенно различные потоки, совершенно разнородные классовые интересы, совершенно противоположные политические и социальные устремления. Именно: заговор англо-французских империалистов, толкавших Милюкова и Гучкова с К^о к захвату власти в интересах продолжения империалистической войны, в интересах избияения новых миллионов рабочих и крестьян России для получения Константинополя Гучковыми, Сирии французскими, Месопотамии английскими капиталистами и т. д. Это с одной стороны. А с другой стороны, глубокое пролетарское и массовое народное движение революционного характера за хлеб, за мир, за настоящую свободу.

Питерские рабочие, как и рабочие всей России, самоотверженно боролись против царской монархии за свободу, за землю для крестьян, за мир, против империалистической бойни. Англо-французский империалистический капитал, в интересах продолжения и усиления этой бойни, ковал дворцовые интриги, устраивал заговор с гвардейскими офицерами, подстрекал и обнадеживал Гучковых и Милюковых, подстраивал совсем готовое новое правительство, которое и захватило власть...

Это новое правительство, в котором <...> «трудовик» Керенский играет роль балалайки для обмана рабочих и крестьян, – это правительство не случайное сборище лиц.

Это – представители нового класса капиталистических помещиков и буржуазии, которая давно правит нашей страной экономически... Рядом с этим правительством, – в сущности, простым приказчиком миллиардных «фирм»: «Англия и Франция», – возникло главное, неофициальное, неразвитое ещё, сравнительно слабое рабочее правительство, выражающее интересы пролетариата и всей беднейшей части городского и сельского населения. Это – Совет рабочих депутатов в Питере...

Таково действительное политическое положение...

Царская монархия разбита, но ещё не добита... Кто говорит, что рабочие должны поддерживать новое правительство в интересах борьбы с реакцией царизма, тот изменник рабочих, изменник делу пролетариата, делу мира и свободы. Ибо на деле именно это новое правительство уже связано по рукам и ногам империалистическим капиталом...

Нет, для действительной борьбы против царской монархии, для действительного обеспечения свободы, не на словах только, не в посулах краснобаев Милюкова и Керенского, не рабочие должны поддерживать новое правительство, а это правительство должно «поддержать» рабочих! Ибо единственная гарантия свободы и разрушения царизма до конца есть вооружение пролетариата, укрепление, расширение, развитие роли, значения, силы Совета рабочих депутатов.

Всё остальное – фраза и ложь, самообман политиканов либерального и радикального лагеря, мошенническая проделка.

Помогите вооружению рабочих или хотя бы не мешайте этому делу – и свобода в России будет непобедима, монархия невозстановима, республика обеспечена...»
(В. И. Ленин. ПСС, т. 31, с. 15–20.)

* * *

Блестящий, надо сказать, анализ! Как говорится, все пуговицы пришиты. Что сказал Ленин?

А вот что...

Кризис царизма стал результатом войны, которая выявила полную неспособность царизма управлять ситуацией. Назревала угроза сепаратного мира России с Германией или полного поражения России, а Антанта крайне нуждалась в русском «пушечном мясе»... Поэтому буржуазная элита, инспирируемая из-за рубежа, свергла царя, однако народ был настолько сыт войной и царём, что активно включился в борьбу, и вместо дворцового переворота Россия получила революцию и двоевластие: Временное правительство министров-капиталистов и Советы... Поддерживать «Временных» пролетариату нет никакого расчёта, и пора народу «играть в свою игру».

Но более того!

Ленин сразу же – ещё в Швейцарии – оказал развивающейся русской революции, её демократическому в точном смысле этого слова (*demos* народ + *kratos* власть) процессу великую услугу! В широких общественных кругах России – даже среди рабочих – по отношению к Временному правительству царил тогда ещё эйфория, а Ленин прямо предупредил ликующий народ России, что это правительство – простой приказчик миллиардной «фирмы» «Англия и Франция» и приведено оно к власти в результате дворцового заговора, инициированного спецслужбами «союзников».

Вот что сказал Ленин России уже в первом своём легальном публичном обращении к ней – пока ещё не очном, а заочном.

И разве Ленин был неправ?

Причём это было сказано на расстоянии, из вынужденного европейского далека, когда Владимир Ильич лишь осваивал ту информацию, которая до Швейцарии доходила по «испорченному телефону».

И сразу – попадание в «десятку»!

Это, знаете ли, не так просто – быть зрячим не задним числом, а в реальном масштабе времени...

«Письма из далека» – это своего рода черновик «Апрельских тезисов». А «Апрельские тезисы» – это черновой набросок уже Октябрьской революции...

К СОЖАЛЕНИЮ, читать ленинские труды в первоисточнике в России давно не принято, да и не всегда их сегодня так сразу найдёшь, почему я и был вынужден дать здесь такое обширное извлечение из ленинского письма, а не отсылать читателя в библиотеку.

Однако самое прискорбное, что Ленина не читают (или читают, но замалчивают) современные историки, из чего возникают самые глупые или подлые версии и толкования позиции Ленина как до Февраля 1917 года, так и, особенно, после Февраля 1917 года. А ведь знакомство уже с вышеприведённым отрывком сразу многое ставит на свои места и позволяет заявить: с учётом одного лишь ленинского «Письма из далека» только откровенный политический идиот или злонамеренный негодяй могут обвинять Ленина в нелояльности к интересам России – трудовой, конечно, и в пренебрежении ими в угоду интересам Германии.

Но поскольку Ленин разоблачил проантантовский и антироссийский заговор элиты царизма против царя, то он сразу же стал для заговорщиков – а именно они и составили Временное правительство и его аппарат – самой серьёзной политической угрозой. Ленина надо было публично дискредитировать во что бы то ни стало, но настоящего-то «компромата» на него не было и быть не могло! Ещё в начале 90-х годов XIX века Ленин пришёл в политику не за дивидендами, а для освобождения рабочего класса, и поймать его было просто не на чем...

Вот «Временные» и запустили в политический процесс весны 1917 года басню о «пломбированном» вагоне. Ей и сегодня в России не гнушаются многие, и эта старая басня прямо связана с уже новейшей басней о том, что якобы Ленин и Керенский действовали заодно, выражая антироссийские интересы внешних антироссийских сил.

Так, имеющий практически официальный «пиар» Николай Стариков опубликовал ряд книг по теме, которые вернее было бы назвать сборниками даже не политических басен, а политиканских побасёнок, рассчитанных на любителей политической «клубнички»... Одна из его книг называется «Февраль 1917: революция или спецоперация?» Там Н. Стариков утверждает, что «все будущие катаклизмы, все будущие проблемы России фактически упираются в одного человека – Ленина».

Не в Николая II, не в Керенского с Гучковым, не в Черчилля с Вильсоном и Клемансо, не в Колчака с Деникиным и Врангелем, не в Троцкого, Гитлера, Хрущёва, Горбачёва, Ельцина, Чубайса, не в Медведева и Путина, а в Ленина!

Выбрав эту удивительную книгу из многих, ей подобных, я далее на ней и остановлюсь, Как контрастный чёрный фон ленинского портрета в интерьере эпохи стариковский опус подойдёт вполне, а знакомство читателя с ним будет небесполезным.

Будет это знакомство бесполезно и для того, чтобы лучше понять, как мастерятся сегодня провокации и спецоперации против исторической правды о прошлом России во имя лишения её исторического будущего.

Глава 3

«Спецоперация» Николая Старикова против «Николая» Ленина

У АНГЛИЙСКОГО писателя Гилберта Кийта Честертона в серии о патере-детективе Брауне есть рассказ под названием «Сломанная шпага». Там знаменитый криминалист в сутане восстанавливает истину при помощи, прежде всего, психологического анализа, не опровергая давно известные факты. А в результате выясняется, что якобы героически павший в борьбе с врагами генерал Сент-Клер на самом деле был предателем и его повесили собственные солдаты.

К известным фактам патер Браун присоединил искреннее желание отыскать истину и пару неизвестных фактов, и все изменилось принципиально: на место лжи встала правда.

Николай Стариков в книге «Февраль 1917: революция или спецоперация?» поступает противоположным образом – к известным фактам он присоединяет желание замутировать истину, прибавляет к этому ряд домыслов, выдавая их за факты, и картина Февраля и Октября 1917 года, а также периода между ними меняется тоже принципиально: на место правды становится ложь.

Надо заметить, что в самом начале книги Стариков сообщает-таки читателю один важнейший *подлинный* факт – тот, который Ленин, правда, сообщил России ещё весной 1917 года. Стариков пишет: «Именно наши «союзники» по Антанте убили Российскую империю. Первую скрипку в этом похоронном марше играла британская разведка».

Ну, кто бы с этим спорил! Многомудрые бритты настолько плотно отслеживали российскую ситуацию, что, например, известный как мастер острого сюжета и психологизма английский писатель Уильям Сомерсет Моэм (1874–1965) с начала Первой мировой войны был привлечён к работе в британской разведке и целый год пробыл в Швейцарии.

Зачем же находился там будущий автор «Луны и гроша»? Не будет особой натяжкой предположить, что Моэм занимался изучением русской эмиграции – на всякий случай... Англичане ведь задолго до Февраля 1917 года поняли, что царская Россия в войне надрывается, и не исключено, что – при всей сложности такого дела – придётся в России «менять лошадей на переправе» ещё в ходе войны. Значит, надо было заблаговременно изучить всех возможных фигурантов будущих бурных событий – и «справа», и «центристов», и «слева»...

«Справа» – для того, чтобы наметить потенциальных лидеров дворцового переворота... «Центр» мог пригодиться как подмога «правым»... А «слева» требовалось понять: кого можно прикормить и использовать, а кого надо опасаться ввиду явной угрозы планам бриттов.

«Твердокаменный» Ленин был в эмиграции фигурой заметной, и искушённые в политике бритты не могли не отдавать себе отчёт в том, что в случае революционных событий в России он выйдет на первый план, играя роль значительную.

Похоже, Моэм – как талантливый «инженер человеческих душ» понял, что Ленин – это серьёзно, но купить его невозможно. Причём версия, что Моэм изучал в Швейцарии и Ленина, подтверждается тем, что летом 1917 года писатель-разведчик был направлен с секретной миссией в Петроград с целью воспрепятствовать приходу большевиков к власти (Зарубежные писатели. Библиографический словарь. В 2 частях. Ч. 2. М.: Просвещение. 1997, с. 94).

Позднее, в книге «Подводя итоги», Моэм писал: «...*Я не прошу мне верить, что если бы меня послали в Россию на полгода раньше, я бы, может быть, имел шансы добиться*

успеха. Через три месяца после моего приезда в Петроград грянул гром, и все мои планы пошли прахом...»

«На полгода раньше...» – значит, за три месяца до Февраля 1917 года. Что ж, если бы Моэм оказался в Петрограде в конце 1916 года, то он, с его «швейцарским» опытом, мог бы оказаться ценным консультантом для английского посла Бьюкенена, но в общем ходе событий это и впрямь изменило бы мало что... Российскую империю заклала на алтарь мирового Капитала сама элита России, а фактор Ленина можно было устранить лишь пулей, на что бритты тогда не решались.

У Старикова же всё изображено иначе, он всё ставит с ног на голову, и подлинные преступники оказываются у него героями или жертвами, а великие борцы за Россию, и прежде всего Ленин – жалкими наёмниками внешних врагов России, двойными и даже тройными агентами.

ДЛЯ ПОЛНОГО анализа книги-побасёнки Николая Старикова надо написать отдельную книгу, где каждое бездоказательное утверждение Старикова опровергалось бы документально, но этим я заниматься, конечно, не буду, а остановлюсь на том, как Н. Стариков описывает – переврав её по всем пунктам – ситуацию с «апрельскими» тезисами, которые были опубликованы в «Правде» под псевдонимом «Н. Ленин» (этот псевдоним, к слову, и стал причиной того, что газеты в Европе начали писать о «Николае Ленине»).

Стариков утверждает:

*«Впервые свои новые идеи Ленин высказал в работе «Апрельские тезисы», появившейся 7 (20) апреля в «Правде». Последующая советская мифология представила идею Ленина о дальнейшем развитии революции как разумную и вытекающую из марксизма. В 17-м году «Апрельские тезисы» всех поразили, и их оценка была совершенно иной. «Тезисы Ленина были опубликованы от его собственного, и только его имени (но это Ленин сам же и подчеркнул. – С.К.), – напишет позднее Троцкий в своей «Истории русской революции». – Центральные учреждения партии встретили их с враждебностью, которая смягчалась только недоумением. Никто – **ни организация, ни группа, ни лицо** (жирный курсив мой. – С.К.) – не присоединил к ним своей подписи...»*

Здесь подложно и подло всё, и мы это сейчас увидим!

Начнём с того, что, во-первых, свои новые идеи Ленин публично высказал впервые не в работе «Апрельские тезисы», а в более раннем первом «Письме из далека»... Во-вторых, у Ленина нет работы «Апрельские тезисы», у него есть, как мы уже знаем, статья «О задачах пролетариата в данной революции»... В-третьих, ссылаться в данном случае на свидетельство Троцкого может лишь непроходимый невежда в вопросах русской истории! Троцкий и в Россию-то вернулся в мае 1917 года, и большевиком отродясь не был – его приняли в РСДРП(б) вместе с группой «межрайонцев» в августе 1917 года на VI съезде партии.

Но это лишь цветочки в букете элементарных подтасовок Стариковым очевидных, легко устанавливаемых исторических фактов. Далее идут уже ягодки! Так, со слов Троцкого Стариков уверяет, что якобы ни одна партийная организация, ни одно лицо не присоединили к апрельским идеям Ленина своей подписи. В действительности же «правдинская» статья «О задачах пролетариата в данной революции», содержащая «Апрельские тезисы», была тут же перепечатана большевистскими газетами «Социал-демократ» (Москва), «Пролетарий» (Харьков), «Красноярский рабочий», «Вперёд» (Уфа), «Бакинский рабочий», «Кавказский рабочий» (Тифлис) и другими (В. И. Ленин. ПСС, т. 31, с. 532).

Собственно, сама публикация статьи Ленина в печатном органе ЦК партии уже делала её не только личным мнением одного человека, а точкой зрения основного руководства РСДРП(б), не так ли?

Но и это не всё! Было в тогдашней России и некое «лицо», которое не только сразу пошло за Лениным, но даже предвосхитило его идеи, опубликовав 18 марта 1917 года в № 12 «Правды» статью, даже название которой было схоже с названием ленинской статьи, – «Об условиях победы русской революции»!

Это «лицо» обнародовало свои идеи даже раньше, чем в «Правде» было опубликовано ленинское «Письмо из далека», а подписало свою статью от 18 марта просто: «К. Сталин». И, открыв том 3-й Собрания сочинений И. В. Сталина на странице 11, мы со всей неумолимостью убедимся, что все основные положения сталинской статьи совпадают с ленинскими тезисами – лишь порядок их формулирования иной (И. В. Сталин. Собрание сочинений. М.: ОГИЗ, 1946, т. 3, с. 11–15).

Вот как это выглядело у Сталина – я лишь переставил для удобства цитаты в том порядке, в каком сходные идеи содержатся в тезисах Ленина.

«Всё... необходимо осуществить при общем условии скорейшего открытия мирных переговоров, при условии прекращения бесчеловечной войны...»

Нетрудно, сравнивая тексты, убедиться, что это соответствует первому апрельскому тезису Ленина.

Пойдём дальше:

«...Отражением этого... явилось то двоевластие, тот фактический раздел власти между Временным правительством и Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов... Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, как орган революционной борьбы... и Временное правительство как орган напуганной «крайностями» революции буржуазии... – такова картина... Но с углублением революции революционируется и провинция... Тем самым колеблется почва под ногами Временного правительства.

Необходим общероссийский орган революционной борьбы... достаточно авторитетный для того, чтобы... превратиться в нужный момент в орган революционной **власти**...

Таким органом может быть лишь Всероссийский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов...»

Это созвучно второму, четвёртому и пятому апрельским тезисам Ленина.

А вот сталинская мартовская иллюстрация к третьему апрельскому тезису Ленина:

«...Временное правительство возникло у нас не на баррикадах, а возле баррикад. Поэтому оно и не революционно – оно только плетётся за революцией, упираясь и путаясь в ногах...»

Отыскивается у Сталина в марте сходство и с пятым ленинским апрельским тезисом:

«...нужна другая вооружённая сила, армия вооружённых рабочих, естественно связанных с центрами революционного движения...»

И с шестым:

«...шаг за шагом углубляется революция, выдвигая социальные вопросы о 8-часовом рабочем дне и конфискации земель и революционируя провинцию...»

В целом, ещё ни разу не поговорив с Лениным (мобильников тогда не было, Ленин находился в Цюрихе, Сталин – в Питере), Сталин мыслил сходно с Ильичом. Так, Сталин

писал 18 марта 1917 года: «Немедленное вооружение рабочих, рабочая гвардия – таково второе условие победы революции...»

Наблюдалась, правда, и некоторые расхождения...

Третьим условием победы революции Сталин считал в марте скорый созыв Учредительного собрания, а Ленин шёл дальше – к идее верховенства Советов. Но, во-первых, Сталин и в марте 1917 года видел именно во Всероссийском Совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов будущий орган революционной власти, во-вторых, не так всё просто оказалось и у Ленина с идеей Учредительного собрания, о чём позже будет сказано... А в-третьих, Сталин после приезда Ленина быстро понял правоту последнего и встал на его сторону, что видно как из последующих статей Сталина весны и лета 1917 года, так и из более поздних публичных свидетельств Сталина.

19 ноября 1924 года в речи на пленуме коммунистической фракции Всероссийского Центрального Совета профессиональных союзов (ВЦСПС) Сталин говорил:

«Партия (её большинство) шла к новой ориентировке оцупью. Она приняла политику давления Советов на Временное правительство в вопросе о мире и не решилась сделать сразу шаг вперёд от старого лозунга о диктатуре пролетариата и крестьянства к новому лозунгу о власти Советов...

Эту ошибочную позицию я разделял тогда с другими товарищами по партии и отказался от неё лишь в середине апреля, присоединившись к тезисам товарища Ленина...»

(И. В. Сталин. Собрание сочинений. М.: ОГИЗ, 1946, т. 6, с. 333.)

Как всё же тогда спрессовывалось время! Сталин вернулся в Петроград 12 марта 1917 года, Ленин – 17 апреля 1917 года... Без личного руководства Ленина большевики, находившиеся в России, оставались всего месяц, но Сталин говорит «...лишь в середине апреля» так, как будто в вопросе об отношении к Временному правительству он колебался невесть сколько если не лет, то – месяцев!

Что ж, тогда историческое время действительно исчислялось даже не как на фронте – год за три, а ещё плотнее – год за век...

Вернёмся, впрочем, к сталинской речи 1924 года:

«Нужна была новая ориентировка. Эту новую ориентировку дал партии Ленин в своих знаменитых Апрельских тезисах. Я не распространяюсь об этих тезисах, так как они известны всем и каждому. Были ли тогда у партии разногласия с Лениным? Да, были. Как долго длились эти разногласия? Не более двух недель. Общегородская конференция Петроградской организации (вторая половина апреля), принявшая тезисы Ленина, была поворотным пунктом в развитии нашей партии. Всероссийская апрельская конференция (конец апреля) лишь довершила в общероссийском масштабе дело Петроградской конференции, сплотив вокруг единой партийной позиции девять десятых партии...»

(И. В. Сталин. Собрание сочинений. М.: ОГИЗ, 1946, т. 6, с. 333–334.)

Сказал тогда Сталин и о Троцком:

«Теперь, спустя семь лет, Троцкий злорадствует по поводу былых разногласий большевиков, изображая эти разногласия как борьбу чуть ли не двух партий внутри большевизма. Но, во-первых, Троцкий тут безбожно преувеличивает и раздувает дело... Во-вторых, наша партия была бы кастой, а не революционной партией, если бы она не допускала в своей среде оттенков мысли... В третьих, излишне будет спросить, какова была

тогда позиция самого Троцкого?.. Так называемый редактор сочинений Троцкого (Собрание сочинений Сталина начали издавать в СССР лишь после войны. – С.К.) Ленцнер уверяет, что «американские письма» Троцкого (март) «целиком предвосхитили» ленинские «Письма из далека», легшие в основу Апрельских тезисов Ленина. Так и сказано: «целиком предвосхитили». Троцкий не возражает против такой аналогии... Но... письма Троцкого «совсем не похожи» на письма Ленина ни по духу, ни по выводам...»
(И. В. Сталин, *Собрание сочинений*. М.: ОГИЗ, 1946, т. 6, с. 334–335.)

Интересно, знал ли Николай Стариков обо всём этом, сочиняя свою побасёнку? Ведь источник сведений здесь не очень-то редкий – Собрание сочинений Сталина сегодня найти не так уж и сложно, хоть в «комиссионке», хоть в Интернете...

ПОДОБНЫМ образом можно проанализировать всю книгу Старикова, однако, надеюсь, уже приведённого выше достаточно для того, чтобы читатель более недоверчиво относился к подобного рода «откровениям». В некотором смысле книгу «Февраль 1917: революция или спецоперация?» можно считать классическим собранием всех прошлых сплетен, пошлых клевет, инсинуаций и предвзятых «воспоминаний» о тех днях, густо сдобренных «сенсационными» «открытиями» уже самого Старикова.

Ответ же на надуманный вопрос Старикова: «Февраль 1917: революция или спецоперация?» дал в марте 1917 года сам Ленин. Со стороны правых заговорщиков, курируемых англичанами, это была спецоперация, а со стороны народных масс России и большевиков – революция!

Заканчивая книгу моментом открытия и роспуска Учредительного собрания в середине января 1918 года, Стариков утверждает, что «Ленин разогнал бы «учредилровку», даже имея подавляющее большинство депутатов-большевиков!»

Это уж вовсе в огороде бузина, а в Киеве дядька...

Во-первых, вопреки распространённому заблуждению, выборы в Учредительное Собрание прошли через неделю *после* штурма Зимнего дворца, то есть после совершения Октябрьской революции. Прошли фактически под эгидой уже Советского, только что образовавшегося, государства. И РСДРП(б) приняла в них участие, и лично Ленин баллотировался и был избран. По «логике» Старикова было бы проще вообще не проводить этих выборов, чтобы потом нечего было разгонять.

Во-вторых, сразу же после выборов в Петрограде, которые проходили в столичном избирательном округе с 12 (25) по 14 (27) ноября 1917 года, Ленин дал 15 (28) ноября 1917 года интервью корреспонденту агентства «Associated Press» Гуннару Ярросу. Начиналось оно так:

«В связи с результатами выборов в Петрограде, на которых большевики получили шесть мест, корреспондент «Associated Press» интервьюировал Председателя Совета Народных Комиссаров, который был окрылён крупной победой своей партии.

– Что Вы думаете о результатах выборов в Учредительное собрание? – спросил корреспондент.

– Я думаю, что эти выборы являются доказательством большой победы большевистской партии. Число голосов, отданных ей на выборах в мае, августе и сентябре, постоянно росло. Получить шесть мест из двенадцати в городе, где буржуазия (кадеты) очень сильна, значит победить в России...»
(В. И. Ленин. *ПСС*, т. 54, с. 381.)

В Учредительном собрании Петрограду было предоставлено 12 мест, половину получили большевики, и ещё одно место – их тогдашние союзники, левые эсеры. То есть в столице «левые» имели большинство, и Ленин, избранный депутатом Учредительного собрания, надеялся на большинство также общероссийское.

Вышло иначе: партия эсеров получила 59 % голосов, большевики – 25 %, кадеты – 5 %, меньшевики – 3 %. Впрочем, с учётом того, что выборы проходили в стране, уже охваченной кризисом, и в голосовании приняла участие примерно половина избирателей, в литературе отыскиваются и иные цифры: 40 % за эсеров, 23,9 % за большевиков, 4,7 % за кадетов, 2,3 % за меньшевиков и остальные – за другие мелкобуржуазные партии и группы.

Так или иначе, формальная победа в общенациональном масштабе достигнута Лениным не была, однако темп роста влияния большевиков был огромным. При этом в обеих столицах они к началу 1918 года уже пользовались решающей поддержкой, что Ленин в интервью Ярросу и отметил.

К слову, Г. М. Яррос (1882–1965) в 1924 году переехал в Советский Союз, занимался журналистикой и преподавательской деятельностью.

Пожалуй, здесь – забегая далеко вперёд, стоит сказать кое-что и об Учредительном собрании...

ПЕРВОЕ и последнее заседание Учредительного собрания состоялось в Таврическом дворце 5 (18) января 1918 года. Это заседание «смачно» и лживо описано в мемуарах правого эсера Виктора Чернова, который «скромно» умолчал при этом, что «правое» антибольшевистское большинство отказалось обсуждать предложенную Председателем Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) Свердловым «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа» и признать декреты Советской власти, в том числе – тот знаменитый Декрет о земле, в основу которого Ленин положил наказания крестьян, поддерживавших эсеров.

«Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», которую большевики предлагали обсудить и принять «черновскому» Учредительному собранию, написал Ленин, а за день до открытия Учредительного собрания – 17 января 1918 года она была опубликована в «Правде» и в «Известиях ЦИК» (В. И. Ленин. ПСС, т. 35, с. 221–223).

Статья I «Декларации...» объявляла Россию республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Статья II «Декларации...» гласила:

«Ставя своей основной задачей уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление сопротивления эксплуататоров, установление социалистической организации общества и победу социализма во всех странах, Учредительное собрание постановляет далее:

1. Частная собственность на землю отменяется. Вся земля со всеми постройками, инвентарём и прочими принадлежностями сельскохозяйственного производства объявляется достоянием всего трудящегося народа.

2. Подтверждается советский закон о рабочем контроле и о Высшем совете народного хозяйства...

3. Подтверждается переход всех банков в собственность рабоче-крестьянского государства...

4. В целях уничтожения паразитических слоёв общества вводится всеобщая трудовая повинность.

5. В интересах обеспечения всей полноты власти за трудящимися... декретируется вооружение трудящихся, образование социалистической красной армии...»

Ну, и что здесь могло не устраивать подлинных народных представителей, за которых выдавали себя Чернов и К°?

И разве разжигала гражданскую войну или не отвечала интересам народов Статья III «Декларации...», утверждавшая разрыв тайных царских договоров, отвергавшая колониализм и аннулировавшая царские внешние долги, давно оплаченные русской кровью на полях войны?

Статья IV «Декларации...» содержала формулу признания Учредительным собранием Советской власти и её декретов.

Всё это «правым» большинством, обеспеченным правыми эсерами, было отвергнуто и освистано.

После совещания большевистской фракции была оглашена написанная тут же Лениным энергичная «Декларация фракции РСДРП(б)...» (В. И. Ленин. ПСС, т. 35, с. 227–228).

Затем большевики и кое-кто ещё покинули зал, полный пустопорожних речей. А под утро 19 января 1918 года начальник караула Таврического дворца, балтийский матрос Анатолий Железняков распустил «Учредилку», произнеся при этом историческую фразу: «Караул устал».

В НОЧЬ на 7 (20) января 1918 года ВЦИК по докладу Ленина принял уже официальный декрет о роспуске «Учредилки»... А накануне – 6 января по старому стилю – Владимир Ильич начал писать блестящую статью «Люди с того света», которая почему-то тогда так и не была опубликована (возможно, потому, что автор оборвал её на полуслове – дни-то были горячие!)...

Ленин писал в ней:

«Я потерял понапрасну день, мои друзья». Так гласит одно старое латинское изречение. Невольно вспоминаешь его, когда думаешь о потере дня 5-го января.

После живой, настоящей советской работы, среди рабочих и крестьян, которые заняты *делом*, рубкой леса и корчеванием пней помещичьей и капиталистической эксплуатации, – вдруг пришлось перенестись в чужой мир, к каким-то пришельцам с того света... Из мира борьбы трудящихся масс, и их советской организации... в мир сладеньких фраз, прилизанных, пустейших декламаций, посулов и посулов, основанных по-прежнему на соглашательстве с капиталистами.

Точно история нечаянно или по ошибке повернула часы свои назад, и перед нами вместо января 1918 года на день оказался май или июнь 1917 года!

Это ужасно! Из среды живых людей попасть в общество трупов, дышать трупным запахом, слушать тех самых мумий «социального» фразёрства, Чернова и Церетели, это нечто нестерпимое...

...Потоки гладеньких-гладеньких фраз Чернова и Церетели, обходящих заботливо только (только!) один вопрос, вопрос о Советской власти, об Октябрьской революции... И правые эсеры, проспавшие, точно покойники в гробу, полгода – с июня 1917 по январь 1918, встают с мест и хлопают с ожесточением, с упрямством. Это так легко и так приятно, в самом деле: решать вопросы революции заклинаниями... Ни капли мысли

у Церетели и Чернова, ни малейшего желания признать факт классовой борьбы...

Тяжёлый, скучный и нудный день в изящных помещениях Таврического дворца, который и видом своим отличается от Смольного приблизительно так, как изящный, но мёртвый буржуазный парламентаризм отличается от пролетарского, простого, во многом ещё беспорядочного и недоделанного, но живого и жизненного советского аппарата...

(В. И. Ленин. ПСС, т. 35, с. 229–231.)

С каким молодым задором, с какой весёлой убеждённости в своей правоте это написано! С каким желанием работать для новой России! Николай же Стариков, ссылаясь на некие мемуары Николая Бухарина (тот ещё «кадр»!), уверяет нас, что «когда наступил реальный момент разгона парламента, ночью, то с Лениным случился тяжёлый истерический приступ...».

Это с Лениным-то, которого Сталин назвал «горным орлом», и «истерический приступ»?!

Ну-ну...

В СВОЕЙ книге о «спецоперации» Февраля 1917 года Н. Стариков цитирует воспоминания старого большевика В. Д. Бонч-Бруевича, однако цитирует своеобразно. Вначале приведу «цитату», данную Н. Стариковым, а затем – полную цитату из воспоминаний Бонч-Бруевича.

Вот как цитирует Бонч-Бруевича Стариков:

«В. Д. Бонч-Бруевич указывает нам, что в момент открытия Учредительного собрания Ленин «волновался и был мертвенно бледен, как никогда... и стал обводить пылающими, сделавшимися громадными, глазами всю залу (обращаю внимание – «залу»)»...»

(Н. Стариков. Февраль 1917: революция или спецоперация? М.: «Яуза», Эксмо, 2007, с. 312–313.)

А вот Бонч-Бруевич «по Бонч-Бруевичу»:

«Владимир Ильич сел в кресло. Он волновался и был так бледен, как никогда; глаза расширились и горели стальным огнём. Он сжал руки и стал обводить пылающими глазами весь зал (обращаю внимание – «зал»)»...»
от края до края его, медленно поворачивая голову. Матросы, стоявшие внизу в проходе, с благоговением, не сводя глаз, смотрели на него, точно ловя его взгляд, точно ожидая приказа...

Владимир Ильич продолжал всё так же обводить глазами собрание, точно укрощая взглядом разбушевавшегося зверя...»

(В. Д. Бонч-Бруевич Воспоминания о Ленине. Изд. 2-е, дополненное. М.: Наука, 1969 г., с. 167.)

Картина, нарисованная подлинным Бонч-Бруевичем, психологически отличается от варианта Старикова принципиально, не так ли?

Во 2-м издании воспоминаний Бонч-Бруевича нет слов «мертвенно [бледен]» и «сделавшимися громадными [глазами]»... Возможно, они есть в 1-м издании книги 1930 года «На боевых постах Февральской и Октябрьской революций», но вряд ли. Нет во 2-м издании и приводимого Стариковым «свидетельства» якобы Бонч-Бруевича о том, что Ленин потом «взял себя в руки, немного успокоился и «просто полулежал на ступеньках то со скупающим видом, то весело смеясь»...

В воспоминаниях Бонч-Бруевича Ленин сидит в первом ряду в кресле, «четвёртом налево от трибуны председателя, если стать лицом к залу заседания». Это, между прочим, зафиксировано *на фото*, помещённом в томе 1-м собрания фотографий и кинокадров, изданных Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС к 100-летию В. И. Ленина в 1970 году (см. с. 47, фото № 26 по порядку в книге и № 382 по архивному учёту). Там приведена и соответственная цитата из воспоминаний Бонч-Бруевича (по т. III «Избранных сочинений» издания 1963 г., с. 134–135) с редакционным уточнением, что сидел Ленин не слева, а справа от трибуны.

Мелочь?

Ну, как сказать! Дьявол, как известно, кроется в мелочах, и читатель сможет сейчас лишний раз убедиться в этом.

Фотодокумент – *наиболее* достоверное из всех возможных исторических свидетельств. Недаром говорят, что лучше раз увидеть, чем сто раз услышать (или – прочитать). И фотодокумент показывает нам Ленина сидящим в кресле. Но вот старый большевик Михаил Кедров в своей «Красной тетради об Ильиче», опубликованной в 1927 году в журнале «Пролетарская революция» (№ 1, с. 36–69), сообщает иное:

«Ильич тотчас по приходе примостился на покатых, покрытых ковром ступеньках, недалеко от трибуны, и в таком положении остаётся до конца собрания. Депутатам он не виден, так как от них отделяет его дощатая перегородка между рядами...»

Однако на упомянутом выше фото Ленин сидит лицом к залу в кресле и хорошо всем виден. Можно предполагать, что мемуарист Кедров подсознательно соединил два эпизода: открытие Учредительного собрания и III конгресс Коминтерна, проходивший в июне – июле 1921 года. Там запоздавший к открытию Ленин действительно сидел на ступеньках, не видимый делегатами, и делал записи (есть знаменитое фото, зафиксировавшее это).

Далее Кедров пишет: *«В наиболее интересные моменты, особенно во время речи выбранного председателя собрания Чернова... Ильич неудержимо хохочет».*

И после этого – по Бухарину-Старикову – с Лениным якобы случился тяжёлый истерический приступ?

Ой ли?

Тем более что «свидетельства» Бухарина в отношении Ленина – источник очень сомнительный. Достаточно сообщить, что уже в годы Советской власти был момент, когда Бухарин и «левые коммунисты» были готовы чуть ли не арестовать Ленина...

ЗДЕСЬ всё так подробно разобрано для того, чтобы читателю стало яснее – насколько ненадёжны мемуары как источник точных сведений. Недаром у юристов есть присказка: «Лжёт, как очевидец». Люди, да ещё в момент волнения, видят далеко не всегда то, что было на самом деле. Тем более когда они вспоминают о событии через несколько лет. Вот почему я так часто опираюсь на прямую цитату из точного ленинского *документа* – уж она-то бьёт антиленинцев наповал!

А теперь предлагаю похохотать (хотя тут надо скорее плакать!) уже читателю. Откуда берёт происхождение «Бонч-Бруевич» Старикова? Точно это знает, естественно, лишь сам Стариков, но кое-что предположить можно, если открыть на 360-й странице «воспоминания» незадачливого – на одни неполные сутки – председателя Учредительного собрания Виктора Чернова. Они были переизданы в 2004 году минским издательством «Харвест».

Там мы и прочтём:

«Когда наступил, наконец, момент открытия Учредительного собрания, Ленин, по свидетельству верного Бонч-Бруевича, «волновался и был мертвенно бледен, как никогда... сжал судорожно (у Б.-Б. «очень сильно, до боли...»). – С.К.) руку и стал обводить плавающими, сделавшимися громадными, глазами всю залу (вот она откуда – «зала!» – С.К.)».

Вскоре, однако, он оправился и «просто полулежал на ступеньках то со скучающим видом, то весело смеясь...»

Итак, Чернов переврал Бонч-Бруевича и, похоже, присоединил к Бончу «испорченный телефон» Кедрова, а Стариков, похоже, не заглянув не то что в 1-е издание воспоминаний Бонч-Бруевича (его не так-то просто найти), но даже в легкодоступное 2-е издание, просто, пардон, передрал эпизод из книги Чернова.

Казус весьма показательный: нынешние псевдоисторики, обслуживающие интересы антиленинского Кремля, часто довольствуются замшелыми сплетнями и инсинуациями, не давая себе труда обращаться к подлинным свидетельствам и анализировать *их!* Псевдоисторики выстраивают умопомрачительно «захватывающие» – захватывающие для любителей «компо́та» из жареной «клубнички» и развесистой «клюквы» – «версии» об англо-франко-германском шпионе Ленине, проходя мимо очевидного.

Так что детали – не мелочь.

Можно где-то напутать, можно в чём-то ошибиться... Но сознательно проверять? Как говорил некий известный киноперсонаж: «Маленькая ложь рождает большое недоверие».

С подобными прискорбными (впрочем, скорее отвратительными) чертами нынешней якобы «исторической» антиленинской «науки» приходится сталкиваться то и дело, а сейчас нелишне познакомиться с сюжетом из совсем другой сферы. Он взят из повести писателя-документалиста Л. Л. Лазарева о Генеральном конструкторе авиадвигателей Александре Микулине – академике, одном из первых Героев Социалистического Труда (Лазарев Л. Л. «Взлёт». М.: Профиздат, 1978 г., с. 249–250).

Сей историко-инженерный казус настолько поучителен не только для инженеров, но и для историков, что привести его здесь будет вполне уместно.

В КБ Микулина работал его двоюродный брат – крупнейший советский специалист по теории авиа- двигателей, Борис Стечкин, тоже академик. Однажды на испытательном стенде разрушился двигатель – случай при отработке новой конструкции достаточно тогда заурядный. Однако Стечкина заинтересовал здоровенный болт от двигателя, который оказался на подоконнике моторного зала.

– Какой же была сила, с которой забросило болт от стенда к окну? – спросил Стечкин у Микулина.

– Ты теоретик, ты и посчитай!

Стечкин забрал болт и ушёл в кабинет.

Через день в конференц-зале он, покрыв грифельную доску цепочками расчётов и кривыми графиков, предложил собравшимся инженерам «чрезвычайно изящную и остроумную теорию». С помощью математики теоретик Стечкин убедительно доказал, что болт мог долететь до подоконника, но практически мысливший Микулин предложил брату пройти в лабораторию и показать – как пролегла траектория полёта?

Далее – прямая цитата из книги Л. Лазарева:

«Но едва братья вошли в лабораторию, как наткнулись на ворчавшую уборщицу...

– Что за люди – ничего положить нельзя. Всё тащут. Позавчера положила болт на окно. А сегодня его спёрли.

– Какой болт, – удивился Микулин, показывая на болт, который держал в руках Стечкин. – Этот?

– Он самый!

– Но позвольте, – поднял брови Стечкин, – зачем вам болт и как он оказался на подоконнике?

– Так я, когда пол мету, им дверь подпираю.

Микулин и Стечкин, задыхаясь от смеха, выскочили в коридор».

Так вот, Стариковы и К° без математики и интегралов лихо и подло забрасывают Ленина из дебрей «германского генштаба» в «пломбированный вагон», «восстанавливая истину» не более верно, чем Стечкин «проследил» полёт болта уборщицы. Вот только анти-ленинские псевдоисторические «теории», подобные стариковской, в отличие от математической теории Стечкина и не изящны, и не остроумны.

ЧТОБЫ уж закончить здесь с «Учредилкой», приведу ещё один текст – не из статьи, а из дневника, и не Ленина – он дневников никогда не вёл, а поэта Александра Блока. Практически день в день с записями Ленина по неоконченной статье «Люди с того света» Блок записал в январе 1918 года (датировки по старому стилю):

«5 января.

«*Ко всему* надо как-то иначе, лучше, чище отнестись. О, сволочь, родимая сволочь!

Почему «учредилка»?.. Втёмную выбираем, не понимаем...

Инстинктивная ненависть к парламентам, учредительным собраниям и пр. Потому что рано или поздно некий Милюков (лидер кадетов, – С.К.) произнесёт: «Законопроект в третьем чтении отвергнут большинством (в наше время Блок мог бы написать: «Лживым большинством «Единой России». – С.К.)».

Это – ватерклозет, грязный снег, старуха в автомобиле, Мережковский (элитарный литератор. – С.К.) в Таврическом саду, собака подняла ногу на тумбу, m-lle Врангель тренькает на роале...

Но «государство» (ваши учредилки) – *НЕ ВСЁ*. Есть ещё воздух...

<...>

6 января.

«...Слухи о том, что Учредительное собрание разогнали в 5 утра (оно таки собралось и выбрало председателем Чернова). – Большевики отобрали бо́льшую часть газет у толстой старухи на углу. – Лёгкость, поток идей – весь день».

(Блок А. *Собрание сочинений в 6 томах. Л.: Худож. лит., 1980–1983., т. 5, с. 230–232.*)

Так спрашивается – было обречено Учредительное собрание на разгон самим ходом истории России или нет? Для Ленина «правая» «Учредилка» была собранием живых политических трупов, но и Блок её атмосферу оценивал, как видим, как мертвящую.

И разве она не заслужила уже при рождении единственной участи – немедленной политической смерти?

ЗАБАВНО, что Николай Стариков отвечает на последние вопросы, как и Ленин, утвердительно, но трактует проблему более чем неожиданным образом. В своей книге Стариков заявил, что «Ленин разогнал бы «учредилку», даже имея подавляющее большинство депутатов-большевиков!», а далее у Н. Старикова следует вот что:

«Задача у него была такая, и только по её выполнении Ленин и компания могли спокойно исчезнуть с арены мировой истории. Так было запланировано нашими «союзниками». Ленин прерывает легитимность (? – С.К.) власти... Начинается гражданская война...

Большевики же должны были исчезнуть туда, откуда они появились, – обратно в Европу и Америку, под крыло «союзных» спецслужб. И они

собирались это сделать. Существует много свидетельств о том, что чуть ли не у каждого большевистского вождя в кармане лежал какой-нибудь «аргентинский» паспорт на подложную фамилию...

Но тут... Ленин понял, что, обладая информацией о таких страшных тайнах, как «немецкие деньги» и «предательство союзников», он и его товарищи долго не проживут... Большевикам надо было остаться и строить новое государство...»

(Н. Стариков. Февраль 1917: Революция или спец- операция? М.: «Яуза», Эксмо, 2007, с. 314–315.)

Да-а... До этого не додумались даже эсер Чернов и генерал Деникин! Ленин – по Старикову – двойной агент, не отработавший ни «немецкие», ни «союзнические» деньги, выданные на ослабление и развал России, а потом испугавшийся, что его «прихлопнут» не те, так эти «хозяева», и начавший с перепугу строить социализм.

Эх, господа-товарищи и милостивые государи, если это не историко-политическая паранойя и ахинея, то...

А впрочем, стоит ли продолжать?!

В одном оказался прав Н. Стариков – не в интересах России и её народов затевала над-национальная Золотая Элита Февраль 1917 года. И только сила мысли и политическая воля Ленина, прибавлю уже я, смогли переломить гибельную ситуацию и превратить Февральский заговор Элиты в народную Октябрьскую революцию – Великую социалистическую...

Не ошибся Н. Стариков и в том, что «британские агенты» (а также, вновь прибавлю я, американские и французские агенты) активно занялись организацией гражданской войны и иностранной интервенции. Вот только Ленин имел отношение к этим агентам лишь с одной стороны – он против них боролся.

Вынужденный довести до логической точки анализ «спецоперации» Николая Старикова против «Николая» Ленина (а сколько их было, таких антиленинских «спецопераций», начиная с весны 1917 года и заканчивая нашими днями!), я заскочил далеко вперёд.

А теперь придётся вернуться назад – в глубоко дореволюционные дни, чтобы смыть с ленинского исторического портрета ещё один слой давней грязи – «иностранные деньги»...

Глава 4

«Клондайки» большевиков: от Эриванской площади до издательства Малых

ИНТЕРЕСНЕЙШИЕ документы отыскиваются при этом, как уже было сказано, в ценнейшем, однако, по сию пору почти не используемом источнике – Полном собрании сочинений В. И. Ленина, и прежде всего – в томах ленинских писем.

Начать же надо, пожалуй, с краткого анализа вообще финансовых возможностей РСДРП(б) – ведь о происхождении партийной кассы большевиков (не только в период Первой мировой войны, но и до неё) в литературе накопилось, пожалуй, не меньше мифов, чем относительно пресловутого «немецкого золота».

Одно из стандартных, давно обжившихся в «сети», клише: большевики жили за счёт «эксов», то есть экспроприаций, а проще – ограбления банков, налётов на инкассаторов и т. д. Любой усердный потребитель «интернетского» якобы информационного барахла уверенно отбарабанит, что деньгами Ленина снабжал кавказский бандит Сталин по кличке «Коба» на пару с его (Кобы) подручным – другим бандитом Тер-Петросяном по кличке «Камо»...

Так ли это было на деле?

Что ж, во время первой русской революции большевики действительно провели громкую акцию, и 13 июня 2017 года исполнилось 110 лет со дня знаменитой экспроприации большевиков на Эриванской площади в Тифлисе. А организатором и руководителем налёта был действительно Камо – Симон Аршакович Тер-Петросян (1882–1922).

Вокруг этой истории накручено немало небывлиц, да и достоверные сведения оказываются на поверку не вполне достоверными. Так, Н. К. Крупская в своих воспоминаниях писала, что захваченными средствами большевики воспользоваться якобы не смогли, поскольку вся сумма была в крупных купюрах в 500 рублей, и номера банкнот были сообщены всем банкам в России и за рубежом. А на попытках разменять деньги целая группа товарищей попала, поскольку о готовящемся размене провокатор Житомирский сообщил полиции.

Однако есть основания предполагать, что предметом «экса» стали привезённые из Петербурга 200 тысяч рублей не только в бумаге, но и в золотых монетах – империялах, о чём Крупская могла и не знать. Так что, скорее всего, тифлисский «экс» партийную кассу РСДРП(б) в 1907 году как-то всё же пополнил. Но – далеко не так, как предполагалось [см. воспоминания Н. М. Габриной-Шахпаронянц, участницы экспроприации, в журнале «Арагаст» («Парус»), № 1, 2007, с. 19 – публикация внука Н. М. Габриной, С. Л. Иоаннесяна].

Расходы партии были тогда уже немалы, и – не на «олигархические» забавы лидеров большевиков в швейцарских Альпах, в Монте-Карло или Куршевеле... Это было лето 1907 года. Ещё не исчезли надежды на усиление революционного процесса, начавшегося в 1905 году, и надо было закупать оружие, переправлять транспорты с ним в Россию, подкупать таможенню, жандармов...

А кроме того, надо было выручать товарищей из тюрем, а то и спасать их от смерти... Не Ленин, а либеральные журналисты запустили тогда в оборот понятие «столыпинский галстук» – висельная петля.

Да, большевиков в годы первой русской революции вешали! Впрочем, не только их – вешали и латышских крестьян, и пресненских рабочих... Это я к тому, что если кто-то протянет: «Э-э! Да твой Ленин был просто террористом», то не мешает ему знать, что для большевиков террор был крайней, редкой и вынужденной мерой, а вот террор царских властей против большевиков в 1905–1907 годах был и ужасен, и масштабен.

К слову, об «ужасах революции»... Французский историк Жюль Мишле (1798–1874), автор 17-томной «Истории Франции» до 1790 года, то есть – до Великой Французской революции, автор также отдельной 7-томной «Истории Французской революции», был всего лишь буржуазным демократом, к коммунистическим идеалам относился враждебно и классовую борьбу отрицал. Реакционеров, правда, тоже не жаловал. Что такое революция, Мишле знал и как учёный-исследователь, и как современник революций, и ему принадлежит мысль, знакомство с которой необходимо каждому, кто возымеет наглость рассуждать об «ужасах» революции и осуждать её за её «жестокость»: **«Чувствительные люди, рыдающие над ужасами революции, уроните несколько слезинок и над ужасами, её породившими...»**

Сейчас же, возвращаясь к Камо, сообщу, что, познакомившись с Лениным в марте 1906 года в Петербурге – оба были на нелегальном положении, Камо в конце 1906 года по поручению Ленина выехал в заграничную поездку. Он побывал в Германии, Швеции и Бельгии, закупая оружие и боеприпасы, а закончил Болгарией, организовывая тайную транспортировку всего закупленного в Россию. Одним из поводов к тифлисскому «эксу» как раз и могла стать необходимость расплатиться за всё приобретённое. (Здесь уместно заметить, что если бы работу большевиков в ходе революции 1905–1906 года финансировали Япония или ещё кто – Ленина обвиняют порой и в этом, то не было бы необходимости Камо устраивать налёт на «золотую» экспедицию в Тифлисе).

Позднее – в 1911 году Камо, бежавший из заключения в тифлисском Метехском замке, получил в Париже новое личное задание Ленина: обеспечить опять-таки транспортировку, но уже не оружия, а партийной литературы в Россию. Камо сумел организовать требующийся «коридор» через Грецию, Турцию и Болгарию.

Конечно, во всех этих странах – даже в Турции – у Камо находились и бескорыстные идейные помощники, но ведь нередко приходилось и платить. Соответственно, на одном «тифлисском» золоте – быстро тающем, партийной работы было не построить.

А на что тогда могли рассчитывать большевики?

ИСТОЧНИКОВ пополнения партийной кассы у любой нелегальной революционной партии бывает несколько, начиная с членских взносов и разовых пожертвований членов партии и сочувствующих. Так, даже в 1907 году – когда революция уже почти закончилась, на V (Лондонском) съезде РСДРП делегаты представляли 150 тысяч членов партии. И все они платили хотя и различающиеся по размеру (тогда в партии было много интеллигентов), но – членские взносы.

В целом – сумма немалая.

Когда после окончательного поражения революции 1905–1907 года и наступившей столыпинской реакции произошёл «отлив» из РСДРП всех нестойких, и большевики оформились как отдельная партия, партийные взносы, естественно, уменьшились. Однако партийная касса особо пустой не была, и отнюдь не за счёт пресловутых «экссов». Партийные взносы оставались серьёзным и относительно стабильным источником пополнения партийных средств.

К Февралю 1917 года в РСДРП(б) насчитывалось до 40 тысяч человек. И это были в массе своей стойкие, убеждённые борцы за освобождение пролетариата, во главе которых стояли несколько сотен профессиональных партийных работников – нелегалов и эмигрантов. Не все они имели связь с Лениным (многие её как раз не имели), но партийная работа велась, и не в последнюю очередь благодаря тому, что Ленин до начала войны провёл немалую организационную работу и обеспечил наличие в России крепкого партийного ядра.

Могли сорок тысяч членов партии содержать триста-четырееста партийных «техников» – руководящих организаторов?

Думаю – да.

Помогали большевикам, и – весьма весомо, сочувствующие. Так, жена Максима Горького – известная русская актриса Мария Андреева (1868–1953), член партии с 1904 года, выезжая в Европу и США, обеспечивала там мобилизацию средств для партии. Андреева и сама оказывала партии финансовую поддержку – лично и за счёт сбора средств непосредственно в России.

Горький, Андреева и ещё несколько имён – это лишь видимая часть «айсберга» той прогрессивной части образованных кругов российского общества, которая оценивала большевиков как серьёзную и достойную уважения политическую силу. В отличие от эсеров, взрывающих великих князей, большевики хотя и не были широко известны в простом народе до весны 1917 года, общественной поддержкой пользовались. И, пожалуй, большей, чем эсеры... Эсеры представлялись многим чем-то вроде кровавого балагана, да нередко им и были. Со всей отчётливостью это проявилось в серии эсеровских авантур времён Гражданской войны, начиная с Ярославского мятежа и заканчивая кулацкой «Антоновщиной». Не говорю уже о палаческом следе, оставленном в нашей истории эсером Савинковым и поощряемыми последним «генералом» Булак-Балаховичем и «полковником» Павловским...

А вот что свидетельствовал уже в эмиграции жандармский генерал Спиридович:

«Русское общество много помогало в те годы (имеются в виду 1904 и 1905 гг. – С.К.) революционным партиям, в том числе и социал-демократической. Благодаря этому денежные поступления одесской группы партии за май и июнь 1905 г. составили 4702 руб. 25 коп., приход батумского комитета за время с ноября 1904 по январь 1905 г. превышал 6 тысяч, сибирский союз с 1 февраля по июнь насчитывал в приходе 7475 рублей. Бюджет центральных учреждений выражался десятками тысяч».

Немалые суммы порой приходили в РСДРП(б) из весьма нетривиальных источников – из противоположного лагеря, так сказать. Во все времена в любом обществе среди элиты случаются отдельные личности, сочувствующие революции и помогающие ей материально. Не стала исключением и Россия – достаточно вспомнить знаменитого Савву Морозова, фабриканта, помогавшего большевикам деньгами. Менее известен, зато намного более весом материально, случай Николая Павловича Шмита (1883–1907) – «красного фабриканта», организатора и участника боёв на Пресне в декабре 1905 года. Впоследствии он был замучен в тюрьме, но успел до этого завещать своё немалое состояние большевикам. Серьёзно поддерживал Ленина лично знакомый ему сызранский купец Александр Иванович Ерамасов (1869–1927).

К тому же активными членами большевистской партии состояли не только малоимущие или неимущие пролетарии – были большевики-инженеры, большевики-профессора...

Поступали в партийную кассу отчисления от литературской и журналистской работы. Скажем, в сентябре 1905 года Ленин писал из Женевы в ЦК партии в Петербург:

«Дорогие друзья!

1) Посылаю Вам проект договора с Малых на Ваше утверждение всего ЦК. Советую утвердить – иначе здесь куче народа жить не на что, а партия не сможет содержать их (в том числе редакторы и сотрудники «Пролетария»). Это серьёзный вопрос, который очень прошу не разрубать одним ударом: иначе можно вызвать отчаянный кризис.

2) Советую повысить 50 % до 100 %. Малых должна будет согласиться...»

(В. И. Ленин. ПСС, т. 47, с. 74–75.)

Речь тут шла о следующем... Созданное в 1901 году издательство Марии Малых (Эдельман) (род. в 1879 г.) периодически выпускало отдельные работы Маркса, Энгельса,

Ленина... Малых подвергалась преследованиям, многие издания подвергались конфискации. В 1909 году Малых приговорили к тюремному заключению, она бежала за границу и продолжала издательскую деятельность в Цюрихе, а после Октябрьской революции работала в советских издательствах.

В 1905 году Малых ещё жила в России и обратилась к Ленину с предложением издать ряд его произведений, а также работы других литераторов-большевиков. Ведь среди членов РСДРП(б) были серьёзные экономисты, историки, статистики, социологи...

Договор с Малых, однако, не был подписан – ЦК начал переговоры в Петербурге с горьковским издательством «Знание». Это издательство обязывалось передавать партии значительную часть своих доходов и при первой же возможности объявить себя партийным. Переговоры вёл член ЦК П. П. Румянцев (ровесник Ленина, он после поражения революции 1905 года отошёл от партии, занимался статистикой и в 1925 году умер за рубежом), и после консультаций с Лениным договор от имени ЦК был подписан Л. Б. Красиным и П. П. Румянцевым с издательством Горького.

Между прочим, благодаря одному ленинскому документу мы можем составить представление о статьях не только доходов, но и расходов большевиков в 10-е годы. В томе 47-м Полного собрания сочинений, где собраны письма Ленина за 1905 – ноябрь 1910 года, на страницах с 216-й по 218-ю (да ещё и с вклейкой факсимиле!) помещено письмо, адресованное в октябре 1909 года Хозяйственной комиссии Большевицкого центра.

Приводить письмо полностью – с таблицами и выкладками – не буду, а сообщу лишь, что в среднем в месяц на «диеты, помощь товарищам, нелегальные транспорты, экспедицию, секретариат и почту» (последняя статья – 82 рубля), «нелегальную типографию и партийные издания, конференции, возврат старых долгов, субсидии на работу в России» и т. д. партия расходовала примерно 19 тысяч рублей.

Ленин, сводя данные в таблицы, призывал сократить расход до примерно 12 тысяч рублей и показывал – как:

«Чтобы *систематически* следить за хозяйством и иметь возможность систематически же сокращать расходы, надо:

1) Составлять месячные отчёты по рубрикам, *сравнимым* между собой и *отделяющим* наиболее существенное и наименее поддающееся изменениям от наиболее случайного и наиболее сократимого (изд[ание] газеты от помощи; квартиру экспедиции и расходы типографии от цен на бумагу... и т. д.)

Постараться составить за довольно большой промежуток времени (например за ½ года) *рациональный* сводный отчёт с вычислением среднего расхода на каждую статью... Затем по каждой статье надо обдумать сокращения уже не примерные, не на глаз, а на основании точных предположений (сократить то-то и так-то; купить бумаги дешевле и снять квартиру дешевле и т. д. и т. п.; сократить расходы на «оказии» и лёгкий транспорт и т. п.)».

Это письмо интересно, конечно, и само по себе, но если вдуматься, оно интересно и тем, что может служить своего рода иллюстрацией к сталинским репрессиям ряда «старых большевиков-ленинцев» в 1930-е годы... Из «хозяйственного» письма Ленина от октября 1909 года видно, что уже тогда кое-кто из большевиков предпочитал размышлять и дискутировать о грядущей революционной буре, а не обременять себя утомительными хозяйственными расчётами. В итоге Ленину самому пришлось заняться бухгалтерией и призвать товарищей по партии партийную копейку экономить.

Но если даже до революции – когда со средствами было туго и когда руководители РСДРП(б) пребывали в эмиграции, в ссылках и тюрьмах, в подполье – среди большевиков не все любили и умели вести работу по-хозяйски, то вряд ли можно было надеяться, что, войдя после Октября 1917 года в государственное руководство, они тут же схватятся за конторские счёты...

Подобные «лидеры» попортили после Октября много крови уже Ленину, а со временем – когда Россией стал руководить Сталин, они превратились вначале в балласт, а позднее – в претенциозных противников Сталина, а точнее – дела Ленина-Сталина. Вот Сталину и пришлось в 1937 году окончательно свести тот «баланс», подводить который начал ещё в 1909 году Ленин.

В ПРОДОЛЖЕНИЕ общего сюжета о средствах большевиков приведу несколько фрагментов из документов Охранного отделения – это вполне деловые оперативные сводки, поэтому в достоверности их сомневаться не приходится. Между прочим, охранники в царской России лаптем щи не хлебали. Крупская уже в советские годы вспоминала: «...Царское правительство не жалело денег на организацию провокатуры. Вся система провокатуры была чрезвычайно продумана, разветвлена...»

Это – обобщённая оценка, а подкрепляя её, сообщу, что, по неполным послеоктябрьским подсчётам, в различных политических партиях и организациях имелось около 6,5 тысячи провокаторов и других политических работников политического сыска самодержавия.

Так вот, 15 октября 1911 года провокатор, агент М. И. Бряндинский, представил в Московское Охранное отделение записку, где сообщал, в частности, о транспортах нелегальной литературы через западную границу следующее:

«На содержании партии находятся в транспортной организации три лица: «Альберт», «Петунников» и «Валериан», остальные же лица получают только на расходы по перевозке и распространению. Приблизительная стоимость транспорта такова: в 3 месяца отправляется два транспорта по 4 пуда, итого 8 пудов; за переправку их через границу Натан (контрабандист по прозвищу «Турок». – С.К.) берёт 220 руб., Карасевич (местный крестьянин-литовец. – С.К.) за хранение и сортировку – 50 руб., развозка в Петербург и Москву – 65 руб., доставка в Новозыбков – 15 руб., рассылка по почте – 15 руб., содержание работников за 3 месяца – 500 руб., непредвидимых расходов – 50 руб., всего 915 руб.

Баку и Кавказ получают литературу совершенно самостоятельно через Персию...»

(Большевики: Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 г. бывш. Моск. Охранного отд-ния. 3-е изд. М.: Политиздат, 1990, с. 152–153.)

В агентурной записке № 101а от 15 августа 1913 года приводились данные о совещании пяти представителей ЦК большевиков 27 июля 1913 года в Австрии, в деревне Поронин под Закопане, где тогда жил Ленин. Среди обсуждаемых вопросов был и денежный вопрос, в том числе – в связи с планами открыть партийную школу. Провокатор Малиновский, принимавший участие в совещании как депутат Государственной думы, сообщал:

«...Всех денег на означенную школу имеется 1000 рублей. Сумма эта составила следующим образом: 300 р. пожертвовал москвич Крыжановский, 300 р. – петербуржец Конюхов, и 400 р. составилось из членских взносов... «шестёрки» (депутатов Госдумы от большевиков. – С.К.).

...Провоз и содержание каждого из учеников школы (предположительно намечались 10 человек, в том числе три «своекоштных» депутата Думы. – С.К.) обойдётся в 125 р., возмещение путевых расходов лекторам (до 10 человек. – С.К.) будет стоить 300 р. Вследствие изложенного, ЦК приходится считаться с недостатком денег на школу...

*Поиски дополнительных средств... продолжаются. Так... поручено переговорить с лицами, окружающими москвича Крыжановского, и побывать у некоего Павла Николаевича Мостовенко (муж княгини Оболенской), сочувствующего партии и проживающего в имении в районе Калужской губернии у ст. «Оболенское»...»
(Там же, с. 208.)*

Дополнительно могу привести и отрывок «по теме» из ленинского письма Александре Коллонтай от 9 ноября 1915 года, отправленного из Берна в Нью-Йорк (В. И. Ленин. ПСС, т. 49, с. 162–164). Ленин извещал Коллонтай, бывшую тогда в Америке, что партия издаёт на днях «*по-немецки*» и затем «*по-французски*», а «если удастся извернуться с деньгами», то и «*по-итальянски*», «*маленькую брошюрку «от имени Циммервальдской левой (международное объединение революционных интернационалистов 6 стран, созданное Лениным в сентябре 1915 года на конференции в деревне Циммервальд близ Берна. – С.К.)...»*

«Извернуться» удалось лишь на немецкое издание, однако вышло оно явно не на «золото» кайзера! Как и для прочих его венценосных коллег по обе стороны фронта, деятельность циммервальдцев была для Вильгельма не только невыгодной, но и опасной.

Замечу также, что и вообще вся «швейцарская» переписка Ленина 1916 года и начала 1917 года убедительно показывает как всё более стеснённое материальное положение лично Ленина и его товарищей по партии, так и скудость большевистской партийной кассы. Подробно на сей счёт я писал в своей капитальной книге о Ленине.

Глава 5

Апрельская конференция большевиков и апрельские провокации против них

ВЕРНЁМСЯ в апрель 1917 года...

Российская буржуазия вкупе с «союзниками» сбросила царя, чтобы продолжать войну. И вдруг приезжает Ленин с лозунгом: «Никаких уступок «революционному» оборончеству! Да здравствует социальная революция!»

Как ослабить его влияние?

К Ленину в партийной социал-демократической среде разные группы относились по-разному. И его недоброжелатели не раз обвиняли его в интриганстве, в деспотизме, сектантстве, бланкизме и т. д. Но вот в чём его никто не обвинял и не мог бы обвинить, так это в продажности, в ангажированности... Дореволюционная репутация Ленина была в этом отношении безупречной. Дискредитировать его в глазах широкой общественности мог лишь факт проезда через территорию воюющей с Россией державы – Германии. Само собой разумеется, что этот факт и был использован против Ленина и большевиков «на полную катушку». Вся буржуазная пресса тут же возопила, что в Питер-де приехал «немецкий шпион». Пик обвинений Ленина в шпионаже придётся на июль 1917 года, когда Керенский отдаст прямой приказ о его аресте, за которым немедленно последовала бы физическая расправа. Но уже весной «пломбированный» вагон стал излюбленной темой всей «жёлтой» питерской прессы.

В некотором смысле забавно, но и показательно, что 19 апреля (2 мая по новому стилю) 1917 года поэт Александр Блок писал в письме: *«Буржуа только и делают, что боятся: то хулиганов, то немцев, то Ленина, то анархии».*

Да, с начала апреля Ленин – в России, в центре событий, и отныне сам всё более становится центром событий, исходной точкой их формирования и течения. На следующий день после приезда, в 8 часов вечера 4 (17) апреля 1917 года, началось заседание Исполнительного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, и Ленин там – сразу же – дал свой первый политический бой.

Вначале по вопросу «О положении швейцарской эмиграции» выступил бывший депутат II Думы меньшевик-интернационалист А. Г. Зурабов (1873–1920), избранный членом Исполкома Петросовета.

Зурабов вернулся в Россию из Копенгагена и подтвердил, что министр иностранных дел Милюков чинил препятствия возвращению на родину эмигрантов-интернационалистов. От имени оставшихся в Швейцарии меньшевиков он предложил Исполкому нажать на Временное правительство, чтобы были начаты переговоры об обмене эмигрантов на интернированных или военнопленных немцев.

Поясню, что «двоевластие» в России выразилось в том, что исполнительную власть осуществляло Временное правительство, но считалось, что оно находится под контролем Петросовета. Реально отношения «Временных» и соглашателей из Петросовета строились по типу Петуха и Кукушки из басни Крылова, однако, нажав на Исполком, можно было как-то повлиять и на правительство.

Выступивший после Зурабова большевик Зиновьев предложил принять соответствующую резолюцию. Председатель Петросовета Церетели и меньшевик Богданов выступили против, и тогда слово взял Ленин... На том же заседании он был введён в состав Петроградского Совета. Это была его первая государственная, по сути, должность за всю его политическую биографию.

Но это было лишь начало!

НАЗАВТРА – 18 апреля 1917 года, в № 24 газеты «Правда» – печатного органа ЦК РСДРП(б) и одновременно в № 32 газеты «Известия» – печатного органа Петроградского Совета рабочих депутатов была опубликована ленинская статья «Как мы доехали». Там Ленин кратко описал всю историю с переездом в Россию. А через неделю после приезда – 12 (25) апреля он пишет письма Карпинскому в Женеву и Ганецкому с Радеком в Стокгольм (В. И. Ленин. ПСС, т. 49, с. 435–436 и 437–438).

Карпинскому он, в частности, сообщал:

«...Нас пропустили, встретили здесь бешеной травлей, но ни книг, ни рукописей, ни писем до сих пор не получаем. Очевидно, военная цензура работает чудесно – даже чересчур усердно, ибо Вы знаете, что у нас ни тени нигде о войне не было и быть не могло...

...Доехали чудесно. Платтена не впустил Милуков (!! – С.К.).

Атмосфера здесь – бешеная травля буржуазии против нас. Среди рабочих и *солдат* – сочувствие...

22. IV.1917 г. Всероссийская конференция большевиков (нашей партии) в Питере.

Черкните, издано ли наше «Прощальное письмо», на каких языках и как идёт сбыт...

Крепко жму Вашу руку.

Ваш В. Ульянов»

В письме Ганецкому и Радеку он тоже коснулся общей атмосферы в Петрограде:

«...Буржуазия (+ Плеханов) бешено травят нас за проезд через Германию. Пытаются натравить солдат. Пока не удаётся: есть сторонники и верные. Среди эсеров и социал-демократов самый отчаянный шовинистический угар...

...Созываем 22.IV.1917 Всероссийскую конференцию большевиков. Надеемся вполне выправить линию «Правды»...

Положение архисложное, архиинтересное...»

Итак, «германский» (а по Н. Старикову – даже двойной, «англо-германский») «агент» Ленин начал действовать. Однако для «германского агента», якобы получившего «миллионы золотых марок» от «германского генштаба», Ленин повёл себя странно.

Во второй половине апреля в Петроград приехал известный датский социал-демократ Фредерик Боргбьерг (1866–1936), связанный с немецким правым социал-демократом Шейдемманом, который через полтора года войдёт в последнее имперское правительство Макса Баденского. Боргбьерг от имени Объединённого комитета рабочих партий Дании, Норвегии и Швеции предложил социалистическим партиям России принять участие в конференции по вопросу о заключении мира. Созвать её предлагалось в Стокгольме в мае 1917 года.

23 апреля (6 мая), на заседании Исполкома Петроградского Совета, где большинство было тогда у меньшевиков, Боргбьерг откровенно сказал: «Германское правительство согласится на те условия мира, которые германская социал-демократия предложит на социалистической конференции...» (В. И. Ленин. ПСС, т. 31, с. 560, прим. 149). И без особых разъяснений было ясно, что «условия мира германской социал-демократии» от первого до последнего пункта написали бы германский генштаб и рейхсканцлер Бетман-Гельвег.

Итак, датчанин Боргбьерг фактически являлся эмиссаром германских «верхов», отчаянно ищущих путей к замирению, ибо в войну только что вступили Соединённые Штаты, о чём будет сказано отдельно. Так что один-то агент германского генштаба – без кавычек – весной 1917 года по Петрограду разгуливал. Это был Боргбьерг.

Казалось бы – если бы Ленин тоже имел задания германского генштаба, – он должен был Боргбьёрга поддерживать. Вышло же «с точностью до наоборот». 25 апреля (8 мая) 1917 года Исполком Петроградского Совета заслушал мнения партийных групп. За поездку в Стокгольм высказались трудовики, бундовцы и меньшевики. Большевики же по требованию Ленина объявили участие в такой «мирной» затее полной изменой интернационализму. А Апрельская Всероссийская конференция большевиков, проходившая в Петрограде с 24 по 29 апреля (7–12 мая), разоблачила Боргбьёрга как... агента германского империализма.

Ленин прямо назвал его «агентом немецкого правительства».

ИТАК, ПРОШЁЛ..., да что там – «прошёл»! – *пролетел* первый ленинский месяц в России 1917 года. И с 24 по 29 апреля (7–12 мая) в столице состоялась VII (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). Напряжение и загруженность Ленина были тогда таковы, что ему пришлось отказаться от приглашения президиума Фронтového съезда делегатов из действующей армии выступить на открытии съезда – фронтовой съезд начал работу в тот же день, что и Апрельская конференция, и заседал параллельно с ней.

Апрельская партийная конференция стала первым легальным общенациональным собранием большевиков, и сразу выяснилось, что, несмотря на все трудности связи заграничного центра с Россией, несмотря на все аресты и репрессии во время войны, партия Ленина не так уж и мала.

О точной численности её спорят по сей день, но точного числа мы никогда и не узнаем – всё ведь было тогда очень текучим, даже советские официальные источники дают разные цифры. Кто-то сообщает о 131 делегате с решающим и 18 с совещательным голосом от 78 партийных организаций, а, например, сталинский «Краткий курс» указывает на 133 делегата с решающим и 18 с совещательным голосом, представлявших «80 тысяч организованных членов партии».

Выборы на Апрельскую конференцию прошли на конференциях местных организаций из расчёта 1 делегат на 500 членов партии. По этому расчёту, в партии тогда состояло не менее 65 тысяч человек. Ленин на конференции говорил о «70 000 членов нашей партии» (В. И. Ленин. ПСС, т. 31, с. 367 и с. 557, прим. 144).

Этот разноречивый вполне, повторяю, объясним. К моменту же выхода из подполья численность РСДРП(б) оценивалась цифрой в 40–45 тысяч человек, что, судя по всему, близко к реальности.

На Апрельской конференции обсуждались комплекс политических и социальных проблем и линия большевиков в текущих событиях. Несогласных с Лениным на конференции хватало, однако основная часть делегатов пошла за ним. Все резолюции конференции написал, по сути, Ленин, в том числе и «Резолюцию о войне», которая 29 апреля (12 мая) 1917 года была опубликована в № 44 «Правды». Начиналась она так:

«Современная война со стороны обеих групп воюющих держав есть война империалистическая, т. е. ведущаяся капиталистами из-за дележа выгод от господства над миром, из-за рынков финансового (банкового) капитала, из-за подчинения слабых народностей и т. д. Каждый день войны обогащает финансовую и промышленную буржуазию и истощает силы пролетариата и крестьянства...

Переход государственной власти в России к Временному правительству, правительству помещиков и капиталистов, не изменил и не мог изменить такого характера и значения войны со стороны России...

Поэтому пролетарская партия не может поддерживать ни теперешней войны, ни теперешнего правительства, ни его займов...»
(В. И. Ленин. ПСС, т. 31, с. 403.)

В резолюции было сформулировано и отношение Ленина к сепаратному миру с Германией:

«Что же касается до самого важного вопроса о том, как кончить возможно скорее, и притом не насильническим, а истинно демократическим миром, эту войну капиталистов, то конференция признаёт и постановляет:

Нельзя окончить эту войну отказом солдат только одной стороны от продолжения войны, простым прекращением военных действий одною из воюющих сторон.

Конференция протестует ещё и ещё раз против низкой клеветы, распространяемой капиталистами против нашей партии, будто мы сочувствуем сепаратному (отдельному) миру с Германией. Мы считаем германских капиталистов такими же разбойниками, как и капиталистов русских, английских, французских и пр., а императора Вильгельма таким же коронованным разбойником, как и Николая II и монархов английского, итальянского, румынского и всех прочих...»

(В. И. Ленин. ПСС, т. 31, с. 405.)

Как видим, резолюция о войне Апрельской конференции никак не разваливала фронт. 8 (21) мая 1917 года на общегородском собрании петроградской партийной конференции Ленин сделал доклад об итогах VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б). Собрание проходило в помещении Морского кадетского корпуса, присутствовало до шести тысяч человек (В. И. Ленин. ПСС, т. 32, прим. 31 на с. 473).

Такая аудитория, собравшаяся в Морском корпусе, подтверждала силу большевиков: шесть тысяч убеждённых, сознательных сторонников в одной только столице в бурные времена – это было серьёзно. Многие из них имели давний опыт политических организаторов и бойцов. Профессор Индианского университета Александр Рабинович, много работавший с источниками того времени, пишет, что в феврале 1917 года только в Петрограде было две тысячи большевиков, к открытию Апрельской конференции их число увеличилось до шестнадцати тысяч, а к июню 1917 года – до тридцати двух тысяч. При этом две тысячи солдат Петроградского гарнизона вошли в состав большевистской «Военки», и четыре тысячи солдат стали членами клуба «Правды» – «непартийного» клуба, организованного «Военкой» для военнослужащих.

(Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1989, с. 24.)

Плюс – идущие за большевиками Кронштадт, Балтийский флот...

Как уже было сказано, сразу после Февральской революции численность организаций большевиков не превышала 40–45 тысяч человек, но, как верно отмечала сталинская «История КПС(б)», это были «закалённые в борьбе кадры». Теперь же в РСДРП(б) приходило новое пополнение, и это были тоже неплохие кадры – членский билет партии большевиков особых доходов и привилегий тогда не обещал.

Иными словами, уже весной 1917 года большевики представляли собой не малочисленную кучку, а политическую силу. Причём эта сила доверяла прежде всего Ленину.

С одной стороны, в период примерно с 1915 года по весну 1917 года о партии большевиков можно было говорить как о некоей виртуальности, поскольку связь между руководством и партийной массой нередко почти отсутствовала. С другой стороны, партия была и

жила даже в эти сложные годы – так уж выстраивал её, так готовил её сам её вождь – Ленин. Армия генерала Монка – во всяком случае, в романе Дюма «Десять лет спустя» – сохранила себя как единое целое даже в тот период, когда Монк, похищенный д`Артаньяном, в ней отсутствовал. Нечто подобное имело место – но не в романе, а в жизни – в партии Ленина, умевшей сохранить себя и без связи с Лениным, но благодаря тому, что Ленин так большевиков и воспитывал.

Теперь партийная масса была связана с Лениным напрямую, а Ленин был связан напрямую с партийной массой.

И это было хорошо.

Глава 6 «Американский след» в российском Феврале

А ТЕПЕРЬ оценим отдельно «американский» аспект тогдашней ситуации...

В революционных событиях в России весной 1917 года переплелись не только два очень разных внутренних фактора – элитарный и народный, но и несколько очень разных внешних тенденций, отражавших политические, экономические и геополитические интересы тех или иных мировых групп влияния, общим для которых было одно – стремление максимально обессилить Россию, а то и раздробить её.

При этом фактор Америки был объективно важнейшим уже потому, что Соединённые Штаты, формально не участвуя в войне до апреля 1917 года, были главными сценаристами и режиссёрами этой войны. Об этом подробно написано в моих книгах «Политическая история Первой мировой» и «1917. Февраль для элиты, Октябрь для народа», поэтому здесь лишь скажу, что основной причиной Первой мировой войны были не уже сформировавшиеся англо-германские противоречия, а потенциально обостряющиеся *американо-германские* противоречия по всему спектру важнейших мировых проблем.

Америке надо было руками русских обессилить немцев, руками немцев – русских, в целом руками европейцев обессилить Европу, чтобы подчинить её влиянию Америки, а заодно и Россию лишить перспектив суверенного развития. Добиться этого можно было, только развязав войну в Европе. Вот войну в Европе и развязали – в обеспечение интересов США.

А в апреле 1917 года Штаты «лично» пришли в Европу, формально – как её союзники, а на деле – как агрессоры. Мудрый Шарль-Морис Талейран за сто лет до этого предупреждал: «В тот день, когда Америка придёт в Европу, мир и безопасность будут из неё надолго изгнаны!» (Борисов Ю. В. Шарль-Морис Талейран. М.: Междунар. отношения, 1986 г., с. 51.)

Уже в 1910 году в США началась работа по коренной реорганизации армии. Американский военно-морской флот, оснащённый новейшими линкорами, ещё ранее заявил претензии на мировое лидерство, а теперь наступало время для сухопутных вооружённых сил США. В июне 1912 года особое совещание начальников отделов военного ведомства во главе с военным министром Стимсоном и офицеров Генерального штаба во главе с генералом Вудом обсудило проект создания армии, **«способной противостоять армии любой европейской державы»!** И эта мощная армия нужна была Соединённым Штатам для **их собственной** будущей системной агрессии в Европу.

Знания одного этого факта достаточно для того, чтобы отправить в мусорную корзину все псевдо-исторические опусы, уверяющие, что Америка-де «вынуждена» была вмешаться в европейский конфликт лишь после того, как возникла «угроза демократии в Европе». В начале XX века нельзя было даже и помыслить о том, что какая-то европейская держава отправится через океан завоёвывать Соединённые Штаты. Зато вполне можно было представить себе такое развитие событий, когда мощная армия Соединённых Штатов отправится за океан в Европу, чтобы в полном соответствии с давним прогнозом Талейрана изгонять из Старого Света мир и безопасность.

Собственно, так ведь и произошло!

Ленин понимал это и без Талейрана, но понимал и то, что влияние Америки в России не будет значащим только в том случае, если проамериканские политики будут изгнаны с арены российской политики. Таких политиков в России весной 1917 года хватало. И это было одной из проблем, не учитывать которые Ленин не мог.

НИЖЕ приведён ряд конкретных иллюстраций на тему «русских» американских вожделений...

С конца XIX века в Россию активно внедрялся французский, английский, бельгийский и германский капитал, а доля американского капитала оказывалась при делёжке российского «пирога» очень уж непропорциональной аппетитам США. Долее терпеть такую «несправедливость» капитал Америки, конечно же, не мог! И уже в 1912 году Америка по объёму своего экспорта в Россию, как сообщает историк-американист Р. Ш. Ганелин, оставила позади Англию и уступала лишь Германии.

К лету 1914 года в Россию ввозилось американских товаров более чем на 100 миллионов долларов в год, то есть более чем на 200 миллионов рублей. Для сравнения – государственный бюджет Российской империи составлял в 1913 году 3 миллиарда 436 миллионов рублей.

В 1913 году по инициативе США в Москве была учреждена Русско-Американская торговая палата. А летом 1914 года – ещё до войны – русское правительство заявило об отказе продлевать русско-германский торговый договор, срок которого истекал в 1916 году. И сразу же – 23 июня 1914 года бывший американский посол в России Кертис Гульд, выступая в Бостонской торговой палате, предложил сделать Россию рынком для промышленности США, равным по своему значению Латинской Америке.

Сравнение было вполне «знаковым» – Америка возымела желание сделать из России одну огромную «банановую» республику, но – без бананов. Расчёт был, кроме прочего, на вытеснение с российского рынка немцев. И, зная это, нетрудно предположить, что уже одними этими планами Америки можно объяснять стремление США развязать мировую войну, хотя планами захвата российского рынка коварство Америки, конечно же, не ограничивалось.

С началом войны США усилили свою экономическую экспансию в Россию, и вашингтонский агент российского министерства торговли и промышленности К. Ю. Медзыховский писал министру С. И. Тимашеву об «удивительном увлечении американцев целиком завоевать русский импортный рынок»!

Целиком!

Описывая антирусские махинации и ловкие провокации Уолл-стрит во время Первой мировой войны, можно занять не одну страницу, однако у нас всё же иная основная тема. Поэтому лишь в двух словах сообщу, что к деликатным операциям был подключён и Витте, что российские журналисты в целях «пиара» Америки подкупались «на корню», что американцы поставили дело так, что нехватка золота в Америке в начале войны уже в 1915 году сменилась золотыми потоками, обусловленными хлынувшими в Штаты военными заказами, в том числе – и из России.

Участник Первой мировой войны, бывший офицер старой русской армии и советский военный историк генерал Барсуков в капитальном труде «Артиллерия русской армии (1900–1917 гг.)» констатировал следующее:

«Россия влила в американский рынок 1 800 000 000 золотых рублей и притом без достаточно положительных для себя результатов. Главным образом за счёт русского золота выросла в Америке военная промышленность громадного масштаба, тогда как до мировой войны американская военная индустрия была в зачаточном состоянии. Ведомства царской России, урезывая кредиты на развитие русской военной промышленности, экономии народное золото для иностранцев. Путём безвозмездного инструктажа со стороны русских инженеров созданы в Америке богатые кадры опытных специалистов по разным отраслям артиллерийской техники».

Сведения генерала Барсукова подтверждает и генерал Маниковский в своём основополагающем исследовании «Боевое снабжение Русской Армии в 1914–1918 гг.», где говорится:

«Без особо ощутительных для нашей армии результатов, в труднейшее для нас время пришлось влить в американский рынок колоссальное количество золота, создать и оборудовать там на наши деньги массу военных предприятий, другими словами, произвести на наш счет генеральную мобилизацию американской промышленности, не имея возможности сделать того же по отношению к своей собственной».

Сегодня в это просто не верится, однако надо учитывать, что из всех отраслей военного дела именно артиллерийское было развито в России не только не хуже, а лучше, чем в других странах. При этом английские и французские инженеры были с избытком востребованы у себя дома, как и нейтральные шведские, а русским инженерам-артиллеристам пришлось, как видим, работать «на дядю», а точнее – на дядю Сэма.

Особую пикантность ситуации придавало то обстоятельство, что пресловутый «Uncle Sam» (от аббревиатуры «U.S.») завлекал в свои сети простутку мисс «Russia», будучи формально вне войны – до апреля 1917 года Соединённые Штаты сохраняли нейтральный статус.

ПРОФЕССОР Чикагского университета Сэмюэль Нортроп Харпер (1882–1943) посвятил изучению России более четырёх десятилетий из шести десятилетий, им прожитых.

Впервые он приехал к нам в 1902 году, жил в России подолгу, ездил по стране, видел много, уезжал в США и Европу, вновь возвращался, был дружен с Милюковым и многими другими элитарными «творцами» российского Февраля... Во время Первой мировой войны фактически выполнял в России функции доверенного лица американского правительства, в частности – агента Государственного департамента США, не сойдя, к слову, с этой стези и после Октября 1917 года.

К России Харпер относился с искренним интересом и ярым антисоветчиком не был. В 1945 году в США вышло посмертное издание его мемуаров «The Russia I believe in» («Россия, в которую я верю»). В СССР они были изданы в 1962 году Издательством иностранной литературы крайне ограниченным тиражом под грифом «Рассылается по специальному списку». Ниже я ссылаюсь именно на это советское издание.

Накануне Февральских событий в России Харпер состоял при послé США в Петербурге Фрэнсисе, назначенном весной 1916 года. Американцы не ввязывались прямо в анти-никалаевский заговор, оставляя техническую сторону дела англичанам, однако руку на пульсе держали.

Харпер вернулся в США из последней дореволюционной поездки в Россию в конце сентября 1916 года. И когда в России началась революция, Госдепартамент тут же запросил у него экстренный анализ с оценкой ситуации. 15 марта 1917 года Харпер телеграфировал из Чикаго в Вашингтон:

«Прошлым летом думские деятели доверительно говорили, что революция может стать необходимой, и просили меня, если она произойдёт, разъяснить её политический, а не социальный характер» (с. 124).

Признание любопытное...

Поясню, что политическая революция применительно к тогдашней России означала просто замену полуфеодального самодержавия «чистым» строем капитализма при не только сохранении, а даже упрочении института частной собственности на средства производства, землю и недра земли. Политическая революция – это война дворцов против дворцов.

Социальная же революция – это война хижин против дворцов, это замена власти частных собственников, эксплуатирующих чужой труд, властью трудящихся масс.

Политическая революция в России была для собственников Америки выгодна, социальная же – смертельно опасна.

Жаль, что об этой телеграмме Харпера не была извещена тогда широкая российская масса – возможно, у неё энтузиазма по отношению к «Временным», обслуживающим чужие интересы, поубавилось бы уже весной 1917 года.

ХАРПЕР отбил в госдеп из Чикаго телеграмму, а крупнейший тогдашний эксперт по России Чарльз Крейн направился из Чикаго в Вашингтон для личного доклада правительству.

Крейн был фигурой мощной – сын основателя чикагской «Крейн компани», он стал в США не просто бизнесменом-миллионером, а руководителем группы американских политических и экономических разведчиков, сфера деятельности которых распространялась на весь земной шар.

Особенно же интересовали Крейна китайцы, арабы и русские. За свою жизнь Крейн совершил 23 поездки в Россию, впервые приехав туда в начале 90-х годов XIX века!

Сэмюэль Харпер знал в России многих – от великих князей до босяков, а Харпер был всего лишь учеником Крейна. Что уж говорить о возможностях Крейна, тем более – весной 1917 года, когда во главе России было поставлено правительство, полное личных друзей Крейна и Харпера, вроде Павла Милюкова...

Знакомство Крейна и Харпера с Милюковым относится к самому началу XX века, а в 1903 году они пригласили Милюкова прочесть курс лекций о России в Чикагском университете. Теперь же Милюков был министром иностранных дел «временной» России. Так стоит ли удивляться, что Америка стала первой страной, официально признавшей Временное правительство в качестве законного сразу после его образования?

На первый взгляд выглядело это странно: переворот курировал Лондон, а официально одобрил его первый Вашингтон. Но для тех, кто знал подоплёку происходившего, ничего удивительного здесь не было. Тогда янки предпочитали изображать из себя «изоляционистов» и «нейтралов», действуя без особой огласки своей руководящей роли.

ВПРОЧЕМ, 6 апреля 1917 года – почти сразу после русского февральского переворота – «нейтральные» до этого США вступили в войну на стороне Антанты. Президент Вильсон незадолго до этого был переизбран на второй срок под лозунгом: «Он не дал нас втянуть в войну», но как раз Вильсон-то и готовил эту войну и привёл к войне американскую электоральную скотинку.

По этому поводу Харпер написал в своих мемуарах – через двадцать лет после событий:

«К середине апреля мы уже участвовали в войне, и, несомненно, вступление Америки в войну было облегчено русской революцией. Трудно было использовать лозунг «война за демократию», если бы в России сохранялся царизм» (стр. 125–126).

Уже из этого ясно, что знакомцы Харпера и Крейна устраивали в России революцию не в последнюю очередь для того, чтобы облегчить Штатам вступление в войну. Элитарный российский Февраль 1917 года связан с элитарным заокеанским Апрелем 1917 года намного более тесно, чем это обычно представляют.

Война была крайне выгодна Америке. Только 48 крупнейших корпораций в своих отчётах за 1916 год показали прибыль в сумме 965 миллионов долларов (в нынешних ценах это не одна сотня миллиардов долларов). В целом же Америка нажила на европейской войне 35 миллиардов *тогдашних* долларов. Отдельные компании увеличили свои доходы в десятки раз!

При этом Германия получила до апреля 1917 года (времени официального подключения США к войне) кредитов на 20 миллионов долларов, а страны Антанты – на 2 миллиарда!..

Но затягивать войну больше допустимого тоже было нельзя. Ленин ещё в Швейцарии написал статью «Поворот в мировой политике», опубликованную в № 58 газеты «Социал-демократ» за 31 января 1917 года. Ленин писал там:

«...Ликуют добродетельные буржуа нейтральных стран: «мы достаточно нагрели руки на военных прибылях и дороговизне; не довольно ли? Больше, пожалуй, всё равно прибыли уже не получишь, а народ может и не стерпеть до конца...»...».

(В. И. Ленин. ПСС, т. 30, с. 339.)

А далее Ленин пояснял:

Содрать при помощи *данной* войны ещё больше шкур с волов наёмного труда, пожалуй, уже нельзя – в этом одна из глубоких экономических основ наблюдаемого теперь поворота в мировой политике. Нельзя потому, что исчерпываются ресурсы вообще. Американские миллиардеры и их младшие братья в Голландии, Швейцарии, Дании и прочих нейтральных странах начинают замечать, что золотой родник оскудевает, – в этом источник роста нейтрального пацифизма...»

(В. И. Ленин. ПСС, т. 30, с. 340.)

Между прочим он – предвосхищая события уже в который раз! – писал в той же статье и так:

«Возможно, что сепаратный мир Германии с Россией всё-таки *заклочён*. Изменена только форма политической сделки между двумя этими разбойниками. Царь мог сказать Вильгельму: «Если я открыто подпишу сепаратный мир, то завтра тебе, о мой августейший контрагент, придётся, пожалуй иметь дело с правительством Милюкова и Гучкова, если не Милюкова и Керенского.

Ибо революция растёт, и я не ручаюсь за армию, с генералами которой переписывается Гучков... Расчёт ли нам рисковать тем, что я могу потерять трон, а ты можешь потерять хорошего контрагента?»...»

(В. И. Ленин. ПСС, т. 30, с. 341.)

Ну, не умница ли Ленин?! **Он не только уже в январе 1917 года весьма точно «вычислил» возможную схему грядущих событий, но заранее верно указал даже на конкретные ведущие фигуры антиниколаевского заговора!**

Знать о сроках и точных планах Элиты Ленин в начале 1917 года не мог, но возможное развитие событий видел.

Уже встав во главе России, Владимир Ильич возвращался к анализу роли и сути Америки в мировой политике не раз. И всегда был точен. Так, уже I конгресс ленинского Коммунистического Интернационала в своём Манифесте отмечал в марте 1919 года:

«Соединённые Штаты взяли на себя по отношению к Европе в целом ту роль, которую в прошлых войнах играла, а в последней пыталась сыграть Англия по отношению к континенту, а именно – ослаблять один лагерь при

помощи другого, вмешиваясь в военные операции лишь настолько, чтобы обеспечить за собой все выгоды положения».

(Коммунистический Интернационал в документах. 1919–1932. М., 1933, с. 54–55.)

Ещё до этого Ленин в «Письме к американским рабочим», опубликованном в «Правде» 22 августа 1918 года, писал:

«Американские миллиардеры были едва ли не всех богаче и находились в самом безопасном географическом положении. Они нажились больше всех. Они сделали своими данниками все, даже самые богатые, страны. Они награбили сотни миллиардов долларов (с учётом экономического внедрения США в Европу Ленин преувеличивал не так уж и намного. – С.К.). И на каждом долларе видны следы грязи: грязных тайных договоров... договоров о дележе награбленной добычи... На каждом долларе – ком грязи от «доходных» военных поставок, обогащавших в каждой стране богачей и разорявших бедняков. На каждом долларе следы крови – из того моря крови, которую пролили 10 миллионов убитых и 20 миллионов искалеченных...»

(В. И. Ленин. ПСС, т. 37, с. 50.)

Убийственно точно!

Причём сказано – как о сегодняшнем дне...

ПРИХОДИТСЯ ли удивляться, что именно янки изготовили тогда одну из наиболее известных антиленинских фальшивок – «документы Сиссона»!

Эдвард Сиссон осенью 1917 года был направлен директором некоего «Бюро общественной информации» Джорджем Крилом в Россию в качестве представителя бюро. Собственно, Сиссон был разведчиком с уклоном в провокацию.

В России Сиссон якобы добыл «с помощью английской секретной службы» документы, якобы подтверждающие связь Ленина с немецким генеральным штабом, а вернувшись в Вашингтон, в октябре 1918 года опубликовал брошюру, где воспроизводились копии этих «документов».

Проверку материалов поручили комиссии Американской ассоциации историков под председательством профессора Дж. Франклина Джеймсона, куда входил и Сэмюэль Харпер. В своих мемуарах он писал:

«Мы наотрез отказались комментировать выводы Сиссона, якобы доказанные документами, что Ленин не только имел контакт с представителями немецкого генерального штаба во время поездки через Германию, но и был немецким агентом. Мы с Джеймсоном были готовы заявить, что при данных условиях, начав социальную революцию в России, Ленин объективно содействовал противнику с военной точки зрения...» (с. 141–142.)

Политическую революцию в России начал не Ленин – мы это уже знаем. Вначале сама Элита начала революцию как политический переворот в целях сохранения *прежней* социальной ситуации, когда кучка богатых собственников возвышается над огромным большинством наёмных работников.

А уж затем Ленин блестяще использовал созданную Элитой ситуацию для придания революции не просто политического, а социального характера, ради чего он все предыдущие годы и жил.

Что же до якобы содействия противнику с военной точки зрения, то и тут американские профессора заблуждались – развал фронта стал фактом помимо Ленина, а порой российская Элита к концу лета и началу осени 1917 года прямо провоцировала военные поражения в целях военного переворота, как это было при сдаче Риги.

Но что дорого – комиссия Американской ассоциации историков *не* подтвердила выводов Сиссона, хотя, как пишет Харпер, «широко было распространено было мнение, что мы объявили все документы подлинными и не вызывающими сомнений».

Вот что можно коротко сказать об «американском» аспекте ленинской темы в свете событий русского Февраля и американского Апреля 1917 года. При этом одной из важнейших исторических заслуг Ленина перед Россией в 1917 году стало также то, что он, совершив Октябрь, отстранил от власти проамериканских политиканов и тем самым нейтрализовал намечающееся колониальное влияние Америки в России!

Глава 7

Если бы Россия пошла за Лениным уже весной 1917 года

К ОСЕНИ 1917 года Ленин стал общенациональным вождём, причём не только в пределах Великороссии... На Украине, в Белоруссии, в Прибалтике, на восточных и южных рубежах бывшей Российской империи миллионы простых людей тоже видели в Ленине вождя. Однако к такому положению вещей даже трудовая Россия пришла далеко не сразу.

Могло ли это произойти раньше – весной 1917 года или к началу лета 1917 года? И к чему это могло бы привести, как изменило бы – и изменило ли бы? – историю России?

Всё, что произошло в России после возвращения в неё Ленина весной 1917 года, и всё, что совершил Ленин после возвращения в Россию до Октября 1917 года, было не историческим экспромтом, а результатом давно продуманной Владимиром Ильичом программы действий. И порой, знакомясь с ленинскими текстами, испытываешь чувство не то что удивления или ошеломления, но бываешь просто-таки *ошарашен*.

Вот отрывок из некоей ленинской работы:

«Мы говорили всё время только о систематической, планомерной подготовке, но мы отнюдь не хотели этим сказать, что самодержавие может пасть исключительно от правильной осады или организованного штурма. Такой взгляд был бы нелепым доктринёрством. Напротив, вполне возможно и исторически гораздо более вероятно, что самодержавие падёт под давлением одного из тех стихийных взрывов или непредвиденных политических осложнений, которые постоянно грозят со всех сторон».

Когда это сказано?

Может, в конце 1916 года – в предвидении событий?

Или, может, в начале 1917 года? Ведь здесь говорится фактически о Февральской революции, причём – в её двойном обличье: как народного восстания («одного из... стихийных взрывов») и как «спецоперации» Элиты («не предвиденного» большевиками «политического осложнения»).

Однако это – текст не 1917 года.

Это – отрывок из ленинской статьи «С чего начать?», опубликованной в № 4 газеты «Искра» в... мае 1901 года! (ПСС, т. 5, с. 13). То есть уже в 1901 году, молодым парнем, лишь вступая всерьёз на дорогу революционной работы, Ленин понимал всё то, что множество якобы высокоумных его соотечественников не поняло даже к весне 1917 года!

За полтора десятка лет до событий Ленин дал гениально точное предвидение того, что рано или поздно в России должно было произойти... И свою статью «С чего начать?» Владимир Ульянов закончил в 1901 году следующими словами:

«Но ни одна политическая партия, не впадая в авантюризм, не может строить своей деятельности в расчёте на такие взрывы и осложнения. Мы должны идти своим путём, неуклонно делать свою систематическую работу, и чем меньше мы будем рассчитывать на неожиданности, тем больше вероятия, что нас не застанут врасплох никакие «исторические повороты».

Что ж, со второй половины 90-х годов XIX века Владимир Ульянов всегда шёл своим путём, год за годом неуклонно делал свою систематическую работу, не рассчитывая на неожиданности, и вот теперь, в 1917 году, когда самодержавие пало не от правильной осады, а под давлением как стихийного взрыва в «низах», так и подготовленного в «верхах» «поли-

тического осложнения», Ленин сразу же уловил весь потенциал происходящего! Произшедший в России – произошедший без него – «исторический поворот» не застал вождя большевиков Владимира Ленина врасплох, и, вернувшись в Россию, он знал лучше кого бы то ни было, что надо делать, с чего начать и чем продолжить...

ТАК С ЧЕГО предлагал начать Ленин, вернувшись на Родину? Напомню суть его Апрельских тезисов:

1. Пока в России у власти находится правительство Львова и К°, война со стороны России остаётся грабительской, империалистической войной в силу капиталистического характера этого правительства. Поэтому: никакой поддержки Временному правительству, разъяснение полной лживости всех его обещаний...

2. Советы рабочих депутатов есть *единственно возможная* форма революционного правительства. Не парламентарная республика – возвращение к ней от Советов было бы шагом назад, – а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху.

3. Дальнейшую войну, действительно оправдывающую революционное оборончество, Россия может вести лишь при условии: а) перехода власти в руки пролетариата и примыкающих к нему беднейших частей крестьянства; б) при отказе от всех аннексий на деле, а не на словах; в) при полном разрыве со всеми интересами капитала...

4. Постоянную армию необходимо заменить всеобщим вооружением народа. Необходимо ограничить чиновничество и платить всем чиновникам, при выборности и сменяемости всех их в любое время, не выше средней платы хорошего рабочего.

5. Необходимы конфискация всех помещичьих земель и национализация *всех* земель в стране при распоряжении землёй местными Советами батрацких и крестьянских депутатов...

6. Необходимо создание образцового хозяйства из каждого крупного имения под контролем батрацких депутатов и на общественный счёт.

7. Необходимо немедленное слияние всех банков страны в один общенациональный банк и введение контроля над ним со стороны Советов рабочих депутатов, без «введения социализма» как *непосредственной* задачи, но с переходом *контроля* за общественным производством и распределением продуктов к Советам рабочих депутатов.

Это была программа ясная, честная и, при всеобщем желании, – выполняемая. Главное же, это была программа, *спасительная* для России, *уже* впавшей в жесточайший комплексный кризис!

Причём программа мирная, программа широких мирных социальных преобразований! **Весной 1917 года Ленин приехал в Россию не с мечом, а миром. Причём – не только в отношении внешнего мира как результата прекращения империалистической войны, но и в отношении внутреннего мира как результата готовности имущих классов пойти на социальный компромисс с неимущими и уступить им часть своих доходов.**

Конечно, эта программа не устраивала элиту, имущее привилегированное меньшинство, однако оно составляло не более двух-трёх процентов населения России. Что же до

остальных девяноста семи процентов, то ленинская программа весны 1917 года была нужной и благодетельной:

- для крестьянства, за исключением ~ 5 % кулацкой верхушки;
- для рабочих, за исключением ~ 5 % «рабочих аристократов» из числа мастеров и т. п.,
- для трудовой интеллигенции, за исключением дорогих адвокатов, модных врачей с богатой практикой, высшего слоя инженеров, участвующих в промышленных прибылях, высшей профессуры и прочих «интеллектуалов», занимавших в табели о рангах весьма высокие места коллежских, а то и статских советников...

Что предлагал России Ленин весной 1917 года?

Конец войне...

Выборная сверху донизу власть в интересах трудящихся масс...

Земля тем, кто её обрабатывает...

Заводы и фабрики – под контроль тех, кто производит на них материальные ценности...

Общественный контроль за общественным распределением продуктов...

Вот что предлагал Ленин России весной 1917 года!

И что здесь было кровавого, изменнического, людоедского?

Причём относительно последнего предложения Ленина – общественного контроля за общественным распределением продуктов, напомним, что в России уже к началу 1917 года – без усилий Ленина – царили дороговизна при нередко искусственно взвинченных ценах и нехватка самого необходимого.

Крупный русский экономист Николай Кондратьев – в 1917 году правый эсер – в своей уже послереволюционной книге «Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции» свидетельствовал, что стремление кулаков и крупных помещиков придерживать хлеб вынудило перейти к политике принудительной продразвёрстки уже царское правительство. **И не большевики, а царское правительство 29 ноября 1916 года впервые ввело понятие «принудительная продразвёрстка», выпустив постановление «О развёрстке зерновых хлебов и фуража».**

Причина такой меры была понятна! Того мужика, который, недоедая, кормил Европу и при этом – как-никак – кормил ещё и себя и свою семью, теперь надо было самого кормить за счёт государства, потому что миллионы мужиков сидели в окопах. Но и Временное правительство, продолжая эту линию, объявило хлебную монополию: хлебные излишки объявлялись государственной собственностью, и торговля ими запрещалась. То есть большевики, взяв власть, всего лишь продолжили, ужесточив, продовольственную политику не только Временного правительства, но даже царизма – проблема-то существовала объективно!

Царизм за последние 8 месяцев своего существования заготовил 365 миллионов пудов зерна, Временное правительство за примерно тот же срок пребывания у власти – 360 миллионов пудов зерна...

Советская власть заготавливала зерна по продразвёрстке меньше, чем её предшественники: в первом году революции, до введения продразвёрстки, было заготовлено около 50 миллионов пудов хлеба, во втором по продразвёрстке – свыше 100 миллионов пудов, и в третьем – свыше 200 миллионов пудов. Снижение «советских» цифр заготовки по сравнению с царскими и «керенскими» объясняется и всё большим разрушением инфраструктуры, и анархизацией страны, и её частичной оккупацией, и резко возросшим дефицитом промышленных потребительских товаров, которые государство могло бы обменивать на хлеб, и сопротивлением «верхов» деревни...

Ожесточённое же сопротивление «верхов» деревни советской продразвёрстке – чего не было при царе и Керенском – объяснялось классовой враждой кулака к новой власти. Кроме того, серьёзной проблемой для Советской власти стало развитие мешочничества, то есть – нелегальных рыночных заготовок хлеба.

Впрочем, я очень уж забежал вперёд, и вернёмся в весну 1917 года...

Возьмём, например, ленинский лозунг: «Мир без аннексий и контрибуций». Это ведь был и честный, и мощный лозунг! Весной и летом 1917 года буржуазная пресса честила Ленина за него «германским шпионом», а этот ленинский лозунг отозвался неожиданным резонансом даже на Тегеранской конференции 1943 года. Там, когда возник вопрос о послевоенных компенсациях Советскому Союзу со стороны Финляндии, союзницы Германии, Черчилль – один из тех, кто готовил и Первую, и Вторую мировые войны, и интервенцию в Россию, заявил:

«Я думаю, что ущерб, причинённый финнами России во время войны Финляндии в союзе с Германией, превосходит всё, что эта бедная страна в состоянии возместить. Когда я об этом говорю, в моих ушах звучит советский лозунг «Мир без аннексий и контрибуций». Я помню этот лозунг со времён революции в России...»

Иными словами, Черчилль пытался использовать формулу Ленина, оправдывая своё желание добиться послаблений Финляндии – союзнице Гитлера со стороны страны Ленина. То ли фарисейски, то ли и впрямь Черчилль не понимал, что в первом случае речь шла о взаимно империалистической войне, где у России не было моральных преимуществ, а во втором случае финны выступали на стороне агрессора, и Россия имела моральное право на компенсацию. Сталин тогда удачно отшутился – мол, он здесь становится консерватором.

(Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., Сб. документов, М, Политиздат, 1978. Т. 2. Тегеранская конференция руководителей трёх союзных держав, с. 159.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.